

КАТЕРИНА КОЛЕСНИЦА

Принцесса для
ХУЛИГАНА

СМОТРИ НА ЗВЁЗДЫ

Катерина Колесница

Принцесса для хулигана

<https://litres.ru/73992908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она девушка из высшего общества. Он хулиган с улицы. Между ними пропасть из денег, статуса, правил, обязательств, мнений. Он никогда не станет тем, кем его хотят видеть. Он не принимает их общество, как и оно его. Но она готова потерять ради него все. Вот только нужно ли это ему?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	78
Глава 13	85
Глава 14	91
Глава 15	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Катерина Колесница Принцесса для хулигана

Глава 1

(Соня)

Вокруг шум, вульгарно смеются девушки в мини юбках, ревут моторы множества машин, из багажников долбят ба-сы. Парни на грани агрессии под адреналином, пахнет выхлопными газами вперемешку с женскими духами, выпивкой, бензином и дымом.

Как сюда, на уличные гонки, попала девушка, воспитанная заграничной тетей в лучших традициях аристократии?

Глупо, Соня! Очень глупо!

Нужно срочно отсюда сматываться, иначе мне конец. Во всех смыслах. Если хоть кто-то из родственников узнает, что я хотя бы на километр приблизилась к такому месту, меня ждет наказание.

— Эй, Городок, какого черта? — какой-то высокий блондинистый парень ударяет в плечо другого. Машину которого только что поливали напитками прямо из бутылок, дикость какая. Подумаешь, гонку выиграл, это же не официальные соревнования, чему радоваться? Какие тут могут быть достижения?

— Ну, давай, предъяви мне, Красавчик, — не защищает-ся, наоборот провоцирует, ненормальный. Вздергивает подбородком и делает шаг на агрессора.

Завязывается потасовка. Я в ужасе пячусь.

Ежась от мерзкой дождливой погоды, быстрым шагом иду прочь от этого зловещего места. Нет, это же надо было додуматься сунуться сюда! Где были мои мозги? Была права тетушка, когда говорила, что юной леди не место в России, там, где народ дикий и нет никаких моральных принципов у невоспитанных людей.

И я воочию в этом сегодня убедилась, наблюдая за тем, что происходило на треке.

— Эй, крошка. Тормози, красивая какая, — хватает меня за руку какой-то мужлан на байке. — Прыгай, прокачу с ветерком.

Да уж, только ветерка мне сейчас и не хватало. Испуганно отшатываюсь, вырвав свою руку из лап дурно пахнущего парня, у которого, к тому же, отсутствует передний зуб. Господи, зачем я вообще сюда сунулась? Идиотка! Круглая! Совсем мозгов нет!

— Нет, мне пора, за мной приехали, — вру конечно же, никто за мной не приехал и не приедет, судя по тому, что в приложении все таксисты отклоняют мою заявку. Правильно, в эту промзону, да в такое время, никакой нормальный человек не поедет, если дорожит своей жизнью.

Внутри меня сердце бьется испуганной птичкой. Я вся

трясусь от страха и холода, стоит только представить, чем может обернуться моя глупость!

— Эй, Хоккеист, погнали! — кто-то окликает этого неандертальца.

И на мое удивление неприятный парень быстро теряет ко мне интерес и отпускает, разглядев в толпе более сговорчивую жертву для покатушек. Хотя вряд ли она жертва, раз добровольно здесь находится, еще и развлекается.

Ускоряю шаг и покидаю это чертово логово. Это парадная ада, не иначе! Господи, да как тут люди в принципе находятся? Это же сущий кошмар и беззаконие!

А Тимофей? Кажется, я плохо знаю своего брата, раз он посещает такие места. Или он попросту приспособился к таким реалиям, живя в России всю жизнь?

Теперь-то понятно, почему меня отправили подальше, к тетушке за границу. Юной леди не место среди такого сброда. А ведь тетя Анжелика меня предупреждала!

Иду по краю асфальтированной дороги, обхватив плечи руками, даже теплая кофта не спасает от холода, еще и дождь моросить начинает. Что же осенью тогда будет?

Я уже сто раз успела пожалеть о том, что решилась на этот дурной поступок. Иду, а у самой слезы по щекам катятся. До черты города на машине минут двадцать, а пешком? Раз в шесть дольше? А на каблуках, хоть, и не высоких, в десять?

Господи, я не дойду. И помощи просить мне не у кого. Родителям позвонить, значит подписать себе смертный при-

говор. Настолько смертный, что вот прям насмерть! Черт! А идти вдоль дороги километров двадцать еще безумнее.

Вытираю слезы и достаю из кармана телефон. Ладно, попробую договориться с братом, за которым я тайно и поперлась в этот эпицентр ада. Да, он меня убьет, но не насмерть, можно будет пережить. Наверное. Но это не точно. А какой у меня выбор? Я здесь больше вообще никого не знаю. Я вернулась в Россию две недели назад, из которых выходила из дома только два раза для того, чтобы посетить театр, а второй раз торговый центр, и то в сопровождении родителей.

Ладно. Жму на кнопку вызова. Саму трясет похлеще осинового листа, зуб на зуб не попадает.

Гудок. Еще один. Третий.

Делаю еще одну попытку дозвониться до Тима. Безрезультатно. Конечно, там такой шум, себя-то не слышно, не то что телефон. А искать в такой толпе я и вовсе не рискну.

Иду по пустой мокрой дороге и плачу. Ругаю себя за безрассудство. Больше никогда в жизни не выйду из дома без сопровождения! Боже, клянусь! Только спаси меня!

— Поедешь? — вдруг раздается невероятно приятный мужской голос.

Вздрагиваю. Я даже не слышала, как тихо шурша шинами, со спины подкралась машина.

Узнаю парня сразу. Это он сегодня выиграл гонку, в его честь в промзоне была такая шумиха, что с ума сойти, дикари. На нем толпой висели девушки, прыгали и радостно виз-

жали. Видимо, местный мачо-мен. А еще задира, уже губа разбита.

— Я два раза не спрашиваю, — раздраженно.

Поспешно дергаю за ручку его машины. Все равно это более безопасно, чем идти по ночной трассе в одиночку. Он ведь в сторону города едет, просто предложил подбросить, так ведь?

Сажусь в машину и пристегиваюсь. Пытаюсь, по крайней мере, но дрожащими руками не могу попасть в фиксатор.

— Что? — теряюсь, заметив насмешливую ухмылку парня.

Но тот даже не отвечает. С визгом машина срывается с места, а я в ужасе вжимаюсь в сиденье. Мысленно молюсь, чтобы добраться до дома живой и невредимой.

Вцепившись в ремень безопасности, изредка бросаю взгляд на водителя. Ну, что тут сказать, не ожидала, что среди невоспитанных не джентльменов водятся вполне себе красивые внешне экземпляры. Со спортивной фигурой, красивыми сильными руками, вполне себе длинными музыкальными пальцами и четко очерченным профилем. Хотя почему нет? Наш Тимофей же там, а он вовсе не какой-то там оборванец из трущоб, он сын крупного бизнесмена. Возможно, и этот парень вполне себе нормальный человек. Определенно, раз он любезно решил доставить меня домой. Вот только меня смущает черный камушек в его ухе. Папа бы не одобрил такое.

Когда впереди отчетливо становятся видны россыпи огней города, я немного успокаиваюсь. Скоро все закончится, я буду дома и уж точно больше никогда в своей жизни не суну нос туда, где мне не место! Забуду все это, как страшный сон, и никто, и никогда не узнает о том, что юная леди однажды рехнулась умом, додумавшись до такой низости, как тайком последовать за старшим братом в гущу адского варева, в котором он остался развлекаться.

И только я начинаю чувствовать это мимолетное чувство безопасности, как машина моего довольно привлекательно-го спасителя вдруг сворачивает в темный переулок, а мотор зловеще замолкает...

Испуганно сглатываю густую слюну. Нет, он же не станет? Зачем ему я, если там вокруг него словно прилипали девушки на любой вкус и цвет?

— Ну что, цветочек, приступим к самому интересному? — растягивает самодовольную ухмылочку. А внутри меня все леденеет, когда он протягивает свои лапы. Кладет ладонь мне на колено и, не церемонясь, задирает юбку.

— Помогите!

Глава 2

(Соня)

— Нет, отпусти! — скидываю с себя его руки и жмусь к двери. Дрожащими пальцами пытаюсь нащупать ручку, но не выходит.

— Ты чего, дикая что ли? Или тебя ролевые игры вставляют? — удивленно хмурит брови.

Красивый парень, может любую пригласить, и та не откажется, уверена. Сама видела, как девушки облизывались на него. Да они откровенно предлагали себя. Тогда почему я? Почему он уехал с промзоны один, раз ему развлечься прищичило? Я-то здесь явно не для этого.

— Не трогай меня!

— Да я вроде не святой дух, чтобы онлайн девственности лишать, поэтому придется, — еще и издевается, гад такой. И откуда он знает, что я девственница?

— Иначе я буду кричать!

— Послушай, малышка, со мной любая кричит, даже та, которая до меня считала себя фригидной. Так что все будет быстро и очень приятно, я обещаю. Уж поверь моему опыту.

Снова его наглые пальцы скользят по моему бедру. А меня всю в дрожь бросает от его горячих ладоней. Ко мне еще не прикасались с такой настойчивостью и так похабно. Да ко мне вообще еще никак не прикасались! А он тут позволяет

себе такое! Это вообще не нормально! Где его воспитание? Моральные принципы? Здравый рассудок, в конце-концов? А мой?

— Не прикасайся, — уже дрожащим голосом. И даже чувствую, как по щеке уже слезинка скатывается.

— Ты больная что ли? — не понимая отшатывается от меня, как от заразной.

— Я больная? Это ты, раз позволяешь себе обижать девушку, которую решил подвезти. Или думал, что я так расплачиваться с тобой стану? Так у меня деньги есть, я заплачу.

— В смысле подвезти? — искренне удивлен он. Даже бровью вздергивает.

— Я разве на древнекитайском говорю? Подвезти, это значит, доставить до дома, — сжимаю взмокшие от страха ладони.

— Я что, по-твоему, на таксиста похож? Или у меня тачка с шашечками? Ты че несешь, кукла? — раздраженно.

— Я думала, ты просто решил мне помочь!

— Чем ты думала? — рычит на меня. — Думала она. В мою машину просто так не прыгают. Это все знают. Так какого хрена ты села в мою тачку, святая простота? Приключений захотелось? — уже с откровенной злостью.

А я вжимаю голову в плечи и всхлипываю. Да, я не как те девушки из промзоны. Но оскорблять себя не позволю.

— Я не святая простота. Но и не сажусь в машину к незна-

комцам с определенными намерениями. Просто меня вынудила ситуация.

Он резко подается ко мне, а я взвизгиваю и закрываю лицо руками.

А через секунду раздается щелчок и моя дверь распахивается.

— Проваливай!

И мне бы действительно свалить, попросту вызвать такси, раз уж мы уже в черте города и забыть все, как страшный сон, но вдруг сзади нас подпирает машина с проблесковыми маячками и пугает меня своим страшным дурацким клаксоном.

— Черт, — выплевывает этот... даже не помню, называли ли мне свое имя этот полоумный.

— Полиция? — испуганно захлопываю дверцу обратно.

Восемнадцать мне есть, а вот документов, подтверждающих это, с собой нет. И если родители узнают, что я вышла на улицу в такое время, да еще и села к незнакомому парню в машину! Мне конец.

— Чем обязан? — опускает он стекло и вываливает локоть наружу. — Я вроде не нарушаю, — дерзко ухмыляется.

— Городецкий, кому ты причесываешь? Минут двадцать назад разогнали всю вашу шушеру. Незаконные гонки, — предьявляет мужчина в форме. — Так что пересаживайся, прокатим тебя до участка.

— Капитан, я не при делах. В этот раз мимо. Я уже минут

тридцать стою в этом переулке. С девушкой своей общаюсь. Вот, домой ее как раз отвезти собирался. Да, принцесса?

Мужчина наклоняется и заглядывает в салон. Я растягиваю губы в дурацкой улыбке:

— Здравствуйте, — дружелюбно киваю головой словно болванчик.

Сотрудник медленно ведет по мне взглядом. Переводит его на этого, как выяснилось, Городецкого, а затем вновь возвращает ко мне.

— Вы подтверждаете? — разочарованно вздыхает.

— Я? Да! — уверенно киваю.

— Ладно, Городецкий, на этот раз свободен.

Стекло машины поднимается, снова изолируя нас от внешнего мира. Городецкий поворачивается и сверлит меня своим гипнотическим взглядом. У него глаза что ли зеленые? Не разобрать в полумраке. Но очень выразительные, это замечаю сразу.

— Можешь просто пересесть, — кивает назад, где все еще стоит патрульная машина.

— Мне нельзя в полицию, — опускаю глаза в пол.

— О, как. А че так?

— Родители убьют.

А этот придурок отчего-то смеяться начинает. Кретин.

— Ладно, залетная, говори адрес, подброшу до дома.

А я вот теперь вообще не хочу, чтобы он знал мой адрес. Поэтому называю просто улицу. А там сама дойду.

Но ничего не происходит, мы все еще тихо стоим в переулке, даже фары выключены, жутко.

Пару секунд он что-то странно обдумывает, потом все же заводит машину. Выруливает на дорогу. А я снова вцепившись в ремень безопасности, сжимаюсь в сиденье.

— Ты откуда такая изнеженная взялась? — бросает на меня мимолетный взгляд.

— Случайно я, — даже не хочу вдаваться в подробности своего наиглупейшего поступка.

— Не попадают в такое место случайно.

— Просто знакомый позвал, а мне не понравилось, — уклончиво отвечаю. Не звал меня никто, даже Тим.

— Хреновый знакомый, раз в таком месте одну оставил. Не местная?

— Нет, — мотнув головой, прикусываю губу, боюсь взболтнуть лишнего. — А как ты понял?

— Правил не знаешь.

— Которые гласят, что приличные девушки не садятся в твою машину?

— В том числе.

— Спасибо, буду знать и обходить твою машину десятой дорогой.

— Номер дома говори, — сворачивает на нашу улицу.

— Нет, здесь высади, пожалуйста, — тороплюсь освободиться от ремня безопасности.

— Как хочешь, — даже не настаивает.

Останавливает машину на обочине.

Не хочется мне благодарить этого Городецкого, он ведь чуть не обидел меня. Но все же благодарю, ведь я почти дома. И эта мысль как никогда греет и придает уверенности.

— Спасибо, что довез. Хотя мог бы быть и повеж...

И пока я тут рассыпаюсь в благодарностях, он тянется к моей дверце и дергает за ручку.

— Проваливай, принцесса.

Вот хам!

Глава 3

(Соня)

После того злосчастливого глупого поступка, после которого мне безумно повезло вернуться домой целой и незамеченной, я дала сама себе клятву, что на уме у меня теперь только учеба! Ну, еще несколько кружков, на которые меня обязали ходить родители для общего развития и статуса. Это иностранные языки, верховая езда и плавание. От верховой езды, кстати, после моего первого падения, сразу отказались.

И вот моя жизнь снова вернулась в однотипный, скучный день сурка, в котором есть только правильное питание, учеба, расписание дня и чуточку свободного времени, которое я сегодня решила потратить на чашечку кофе в кафе недалеко от универа.

Тихо сижу в сторонке ото всех и вздыхаю, поглядывая в окно. За одним из столиков сидят девушки и то и дело смотрят в мою сторону. Не понимаю, чем привлекаю их внимание. А потом они улыбаются и приглашают за свой столик. Так в моем однообразном и сером мире появляются подружки. На удивление я быстро нахожу с ними общий язык, они милые, воспитанные и добрые. Меня это подкупает. Но ближе всего, по каким-то непонятным причинам, я сдружилась с бунтаркой Лидой. А потом оказывается, что мы еще и занимаемся в одной секции по плаванию, у нас даже тренер один.

Я больше занимаюсь, как говорят мои родители, для портфолио, а вот Лида у нас полноценная спортсменка, она-таки русалка или, как ее иногда называет наш тренер, торпеда.

А еще родители начали таскать меня на разные приемы, которые жутко скучные. Там я познакомилась с другими семьями из нашего города, в том числе с Андреем Богдановичем Волковым, именно у него и живет Лида. Ходят разные слухи про это, но я знаю все подробности из первоисточника. Лида ему названная дочь. А еще она втрескалась в его племянника Ярослава. В общем, теперь мне не так скучно, хотя иногда даже общение с девчонками меня не спасает. Особенно по вечерам. И особенно, когда кто-то из родителей дома.

— София, уже пять, ужин, — ругается мама, что я опаздываю к столу. И я действительно тороплюсь, ведь если я не поем, вход в кухню для меня будет закрыт до утра, а я останусь голодной.

“Леди не должна нарушать режим, и тем более, принимать пищу после шести” — наставляла меня тетя.

Да-да, а еще выходить из дома в вечернее время, пробовать уличную еду, появляться в обществе без сопровождения, некрасиво выражаться и еще целая куча правил.

— Да, мама, я бегу, — отложив учебник, быстро, спускаюсь по лестнице.

— София, — сжав губы, делает мне замечание. — Не стоит воспитанной девушке нестись по ступеням сломя голову.

— Прости, — покорно опускаю голову. Сажусь за стол.

Папа, как обычно, опаздывает. Но так можно только ему. Ну, и Тимофею еще. А вот леди такое непозволительно.

Вздохнув, ковыряю рыбу с овощами.

— София, меньше налегай на рыбу, ешь овощи, — летит новое замечание. — Лишний вес, это губительно для девушки твоего статуса. Сколько ты набрала за последний месяц? Твой вес, — требует ответа.

Блин.

— Пятьдесят два.

— Ох, — возмущенно прикладывает руки к груди. — Это ужасно, скажу Любе, чтобы больше не подавала тебе хлеба вообще!

Не доев ужин, спешу выйти из-за стола, сил моих больше нет слушать ее наставления. Сейчас бы плюнуть на все и посидеть в каком-нибудь кафе с девчонками. Но и тут облом. С Вероникой мы уже давно перестали общаться из-за того, что она общалась с разными парнями (Красавиным и тем самым Городецким), мне такое не по душе. Есения ее лучшая подруга, поэтому мне не комфортно с ними общаться слишком близко, да и Рома этот у нее. А вот Лида хоть и родная сестра Еси, но полная ее противоположность, так что, хоть с одной подругой, но мне все-таки повезло. Вот так складывается теперь моя жизнь.

— Лидусь, привет, — шепчу в трубку. — Ты очень занята?

— Привет, Сонь! Ну, еще час тренировки, и я свободна,

а что?

— Встретимся?

— Да, давай! — с радостью отзывается она. — Я очень соскучилась, так давно не виделись. Да и поболтать по девчачьи хочется, а у Еси свои заботы. Здорово, что ты позволила. Встречаемся через час в нашем кафе!

Радуюсь, что нашла себе единомышленницу. Так что рискую снова выйти из дома без спроса. Одеваюсь и спускаюсь вниз. Проверяю, чем занята мама. Она залегла в ванной. Отца нет, и сегодня уже не будет, так что я спокойно собираюсь уйти на часок. Но неожиданно чуть не сталкиваюсь на выходе с братом.

— И? Да ладно! Ну, ок, — с кем-то разговаривает Тимофей.

А так как деваться мне уже некуда, я в панике заскакиваю в гардеробную и прячусь за маминой шубой.

— Разрулим, бро, ща подскочу.

Ну и выражается он! А при родителях такой воспитанный весь, и не подумаешь, что он такой отвязный. И куда это он вечером собрался? Однако проверять больше никогда не стану. Ну и хорошо, что он уходит, если попадусь, скажу, что была с Тимом, надеюсь, он меня прикроет. Хотя, если честно, то очень в этом сомневаюсь. Он на стороне родителей, но ведь надежда всегда есть?

Почти не дышу, когда Тим берет свою одежду, а потом выдыхаю, когда дверь гардеробной закрывается и свет в ней

гаснет. Главное, теперь не убиться здесь.

Выбираюсь из дома, выгоняю свою “кукольную” машину и сматываюсь.

Еду я по дороге, радуясь своей свободе, врубаю музыку, а потом мимо меня пронесется машина на такой скорости, что я от испуга дергаю руль в сторону обочины. Однако зацепить мое зеркало и стесать с него краску ему все же удастся.

Козел! Кретин! Ненормальный!

Съезжаю с дороги и пытаюсь успокоиться. Что за придурок так носится? Выхожу из своей серебристой машины и разглядываю пострадавшее зеркало и темно-синюю краску на нем.

У всех идиотов любовь к синим тачкам, да? Вспомнив Городецкого, меня аж передергивает. Одни сумасшедшие во круг. Кажется, родители правильно делают, что не выпускают меня из дома.

А когда я подъезжаю и паркуюсь возле кафе, с удивлением разглядываю соседнюю темно-синюю машину, у которой царапина на зеркале.

— Вот же сволочь! Кофейку спешил попить?

Фоткаю номера, пожалуюсь на него папе или Тиму.

Но когда захожу в кафе, столбенею.

— Сонь, я здесь! — машет мне Лида.

А рядом с ней кошмар, который я так усердно пыталась забыть все это время, как страшный сон. Городецкий.

Глава 4

(Соня)

Такого позора я еще не испытывала ни разу в своей жизни. А все из-за того, что я поддалась на злость и провокацию Городецкого.

Да, я предъявила ему за то, что он задел зеркало моей машины. А так как до брата я не дозвонилась, то позвонила папе. Так я посчитала нужным после того, как этот придурок просто фыркнул мне в ответ и проигнорировал все мои претензии.

— Ты должен ответить за свой поступок! — встала я перед столиком, за которым он устроился.

— Отвали, принцесска.

— Тогда будешь разговаривать с моим папой! — как дура не унималась я. Да, он меня попросту выбесил своим пофигизмом. Меня просто разрывало от злости и несправедливости.

— Сонь, да оставь ты его, с ним связываться – себе дороже, — пыталась образумить меня Лида, но я была не в себе. Дура. Лучше бы послушала.

— Я смотрю, ты уже не в первый раз избегаешь наказания. Так вот не надейся, что и в этот раз будет так же!

— Ну, давай, богачка, зови на помощь своего папика. Посмотрим, кто он у тебя, — продолжал он делать вид, что ему

абсолютно плевать на то, что происходит. — Знаем мы таких. Ни один раз обкатывали.

Я знала, что это какая-то очередная грубость, но среагировать на нее не успела. К кафе подъехал папа, и я сто раз пожалела, что пожаловалась ему.

Он даже не стал разбираться, что случилось. Просто силой вышвырнул меня на улицу и заставил сесть в свою машину. Заявил, что я его позорю лишь тем, что попадаю в подобные ситуации. Ладно хоть в это время Лида Городецкого отвела к туалетам, чтобы поговорить. Хотела помочь все уладить. А вышло так, что случайно спасла меня от еще большего позора.

Так я попала на домашний арест на долгие недели. Моей отдушиной стала учеба, бассейн и общение с Лидой.

Протянула я таким образом довольно долго. И все бы ничего, пока на горизонте моей скучной жизни снова не появился тот, из-за кого у меня были проблемы и жесткий контроль со стороны родителей. А ведь этот контроль только недавно ослаб! В общем, он мой персональный источник проблем.

Выхожу я, значит, из здания универа, а прямо перед его воротами стоит Городецкий. Вернее, сидит на крыле машины, поставив одну ногу на колесо. Я не знаю почему, но мое сердце безудержно бесится и наливается чем-то взрывоопасным. От злости и ярости я чуть ли не начинаю задыхаться.

Что он здесь забыл?

Какого черта снова объявился в моей жизни?

Ненавижу!

Вот только я много о себе возомнила, на секунду поверив в то, что он здесь ради меня, и естественно, чтобы создать мне новых проблем. Ведь к его тачке уже вприпрыжку скачет моя одноклассница Натали. Обогнав меня, она первая выскакивает за ворота и садится к нему в машину.

На секунду сталкиваемся взглядами с Городецким. Он удивленно дергает бровью, а я стою, не смея даже вздохнуть и пошевелиться.

— Арсений, у меня времени мало, поехали, — зовет его Натали.

Он еще секунду не отводит от меня взгляда, а потом садится за руль и обдает меня облаком пыли из-под колес своей машины.

Растерянно смотрю в след.

Как так-то?!

Нет, я вовсе не из-за того расстраиваюсь, что он уезжает, не наградив меня новыми проблемами, упаси боже! Ну, просто это же Натали!

Зная славу Городецкого, к нему в машину просто так не садятся, я это уже на себе проверила. А Фирсова не такая, она из приличной семьи, вполне себе хорошая девушка, учится хорошо, с парнями держит дистанцию. У нее ведь даже парень есть.

Ничего не понимаю.

Но надо бы ее предупредить, что с Городецким связываться не стоит. Чисто из женской солидарности. У нас экзамены на носу, а она забьет себе голову парнем, который и мизинца ее не стоит, завалит тесты или проблем наживет с родителями, как я например, в начале учебного года.

На следующий день я не знаю по какой такой глупости забываю дома конспект по экономике. Хотя я знаю, по какой. У меня проблемы из-за Городецкого даже на невербальном уровне. Я только подумала о нем, а у меня уже проблемы.

— Два, Ларская, — с ехидством и явным злорадством озвучивает наша преподша Кац. А я бледнею.

— Евгения Олеговна, пожалуйста, не ставьте два, я завтра же принесу все, — пытаюсь выторговать себе помилование, но безуспешно.

— Ты не особенная, Ларская. Здесь у многих богатые родственники имеются, — клацает она зубами. Поэтому за спиной ее называют Клац. — Так что никаких привилегий.

Да причем здесь богатые родственники? Я же хорошо учусь, не пропускаю занятия, у меня никогда не было проблем с учебой. Но только не с Кац. Она с первого дня придирается ко мне без каких-либо причин. Явно невзлюбила. Хотя она много кого не любит. Наверное даже проще назвать тех, кого она любит. Их можно по пальцам пересчитать со всего универа.

От дальнейшего нападка Кац меня спасает звонок с пары. Подхватив меня под руку, Натали тащит меня в столовую.

— Сонь, ты расстроилась из-за оценки?

— Принесу конспекты завтра, надеюсь исправит, — к черту летит все мое хорошее настроение.

— Неа, не исправит, — поджав губы, добивает меня Ната.

— Она та еще злыдень. Помнишь, я за ней всю прошлую неделю бегала?

— Так и не исправила?

— Неа. И эта единственная двойка портит мне всю картину, — возмущается Фирсова, накладывая себе в тарелку овощной салат. — Пришлось решать проблему кардинально.

А вот я беру себе булочку с корицей и кофе. Все равно лишние калории уйдут после тренировки по плаванию. Ну, или тренер окончательно выгонит меня даже из числа запасников.

— Кардинально, это как? — сажусь за столик напротив Натали. — Звонила родителям?

Я вот теперь зареклась им звонить. Они не решают мои проблемы, они сажают меня под замок, чтобы я не приносила новые. Знаем, проходили.

— Ты чего, с ума сошла? Если бы мама узнала, что у меня два, отобрала бы ключи от тачки на неделю. Ну уж нет. Я на такие жертвы идти не готова.

— А как? — перестаю жевать. Мне ведь тоже придется несладко, если родители узнают об оценке. И ключами от машины точно не обойдется. Посадят под замок или снова отправят меня к тете на перевоспитание. А там хуже, чем в

концлагере, честное слово.

— Как-как, — заговорщицки шепчет она, поддавшись вперед. — Городецкий помог, — выдает Фирсова, а я давлюсь то ли булкой, то ли собственным ядом.

— Нат, у тебя же парень вроде есть. Снова поругались? Но с Городецким зачем связываться, он же тот еще козел!

— Ларская, ты головой случайно не ударилась? При чем тут мой Костик?

— А причем тут Городецкий? — пялимся друг на друга, как две дурочки.

— Не все знают, — снова переходит на шепот, — но Городецкий может оценки подшаманить без палева. Только берет он, конечно, не всех, и дорого.

— Натурой? — ошарашенно округляются мои глаза.

— Сонь, ты точно сегодня ночью с кровати не падала? — закатывает глаза. — Он в айтишке шарит. Одна оценка – десятка.

— В смысле рублей?

— Ну не евро же, мы вообще-то в России живем, а не где ты там до этого училась? Дать номерок?

— Нет, я ни за что не обращусь к этому придурку!

(Десять минут спустя)

— Черт. Ладно, Нат, дай мне его номер. Иначе мне крышка.

А мне реально крышка, если родители узнают об оценке. Поэтому из двух зол я выбираю бесячее, но кратковремен-

НОЕ.

Глава 5

(Арсений)

— Арс, погнали в клуб? — толкает меня кулаком в плечо

Осипов.

— Погнали, — без особого интереса соглашаюсь.

— А че так вяло? — ухмыляется, поправляя воротник идеально выглаженной брендовой черной рубашки.

Недолюбливаю я можаров при богатеньких папочках, но так уж вышло, что в друзьях такие имеются. Осипов один из них. Но он упорно трется с нами на техничке, периодически косит от богатой жизни. Но он нормальный пацан, без неадекватных выкрутасов между своими, однако балаболить лишнего любит, язык его – враг его. Еще есть Красавин, но тот и не скрывает, что наследничек нехилой такой империи космических технологий. Сорит бабками, пудрит мозги девчонкам. Пудрил, во всяком случае, пока с Чудовой не замутил. Мы тогда из-за нее даже дрались пару раз. Он всерьез бесился так, что меня это прямо-таки веселило. Лучшими друзьями нас не назовешь, но в одной компании периодически тусим. Ну, и если в компании вдруг какой замес и терки, то это я и Красавчик. А если терки с левыми, мы с пацанами все друг за друга, это железобетонно.

С нами еще Бессоновы в одном котле, они племянники Волкова, на которого я работаю. Но старший женился, а

младший сейчас в Германии. Тоже норм пацаны. Вот такая у нас компашка.

— Городецкий, тебя Волков к себе вызывает, — заглядывает в бокс наш механик.

Вот и потусили. Волков просто так к себе не вызывает.

— Я так понимаю, в клуб ты уже не едешь? — недовольно корчит рожу Осипов.

— Нет, к Волкову поеду. Сегодня без меня.

— Ну и хрен с тобой, Городецкий, без тебя мне девок больше перепадет.

На Андрея Богдановича я работаю как только мне восемнадцать стукнуло. Он взял меня под свое крыло еще раньше, я тогда еще с бабушкой жил. Ни матери, ни отца нет. Мать умерла при родах, а кто отец никто не знает. Ну и пошел такой папаша нахрен. В общем, я как Волков – одиночка. Но бабки поднимать умею, я предприимчивый. Работаю водилой у Волкова, срываю куш на гонках и периодически лезу туда, куда нельзя. За это тоже нехилые бабки платят. Короче, кручусь, и вполне хватает.

— Я к Волкову, — припарковав тачку у ворот коттеджа, киваю охране.

Пропускают без вопросов, я тут частый гость.

Куда идти, тоже в курсе, кабинет на первом этаже. Дверь открыта, поэтому вхожу без стука.

— Добрый вечер, Андрей Богданович, — жму ему руку.

— Добрый, Арсений. Кофе выпьем?

— Да, можно, — пожимаю плечами.

— Тогда на кухню пошли.

Вот такой Волков четкий мужик, крутой, но без гонора. За это ему респект и уважуха. И не только среди пацанов, его везде уважают. Но вот пользоваться его влиянием ради собственной выгоды я не стану, стремно это, нормальный пацан должен сам решать свои проблемы, а не прятаться за спиной какого-нибудь крутого дядечки.

— Арсений, есть несколько заказов на перевозку товара. Но товар непростой, такое могу доверить только тебе. Оплата соответствующая.

— Что за товар? — слегка напрягаюсь. Нет, Волков связываться с дрянью всякой не стал бы. Но то, что он не доверяет его остальным водителям, реально настораживает.

— Камни.

Присвистываю.

— Почему не нанять броники?

— Партии небольшие, нечастые. Нерентабельно. Да и заказчик настаивает, чтобы все было без привлечения лишнего внимания.

— Контрабанда?

Хотя нет, вряд ли. Волков мужик честных правил.

— С документами все в порядке, остальное не наше дело. Нам платят, мы делаем.

— Понял. Че по деньгам?

Груз слишком уж дорогой, заплатить должны щедро, по-

этому меньше, чем за полтос, не поеду.

— Сотня за один рейс.

— Ух, нехило так! — дергаю головой. — В чем подвох?

— Дорожные пираты, сам понимаешь.

Да, сейчас не девяностые, но и такие еще не вымерли.

— Я согласен.

Нет, ну а какой дурак откажется от таких бабок, когда они всегда нужны? Да и бабушке обещал операцию на глаза про-спонсировать.

Как раз еще халтурка подвернулась уже на следующий день. Богатеньких студентов я беру нечасто, чтобы не палиться. А те мне за услуги на карту башляют.

Короче, жду возле универа девчонку, которую мне Осипов подогнал. С собой ноут и обаятельная улыбка.

Вообще я имена и внешку не стараюсь запоминать, ни к чему. Да и на одно лицо сейчас все эти красавицы, как тут запомнишь. А возле себя я никого не потерплю, одиночка я по жизни. Даже с бабушкой разъехались пару лет назад. Купили ей домик в пригороде, в квартире ей не нравилось. Поэтому там остался я. Но ни одна мамзель в ней не была. Это моя территория. Для нужд есть куча других вариантов: тачка, гостиница, природа летом, апартаменты самих мамзелей.

Ну так вот, жду я значит. И тут мой взгляд цепляет красотку в юбке в складку. Веду взглядом по красивым ножкам, узкой талии, белой блузке. Ого, троечка! И тут врезаюсь в ее черные глаза.

Опа! Знакомая мордашка.

Это же та девчонка, что как-то села в мою тачку, а потом драпу дала. У меня такое впервые было. Обычно клеятся, “покатать” просят, а эта в отказ пошла, я очень удивился. Потом в кафешке из-за царапины на зеркале сцепились. Какого-то хрена на пустом месте истерику закатила. Я даже снова удивился, для богатеньких принцесс это не бабки, они скорее тачку поменяют, чем зеркало. Мне вот много не надо, так, за хату заплатить, за кредит, ба на лекарства. Но недавно ей врач порекомендовал операцию сделать. Вот я только из-за этого и суечусь сейчас активнее. Вот и выбесила меня кукла из-за какого-то там зеркала. Не люблю я людей, которые на брендах и бабках без причины помешаны.

На этом все. Больше я эту принцессу не встречал, на гонках она не появлялась, а искать ее специально я как-то и не собирался, сдалась мне эта принцесса. Это у нас Осипов по богатым телочкам тащится, щелкает их, как семки. А я таких не особо люблю, избалованных кукол со свистками вместо губ. Если только на разок. С ними даже поговорить не о чем. А я пытался? Неа, ваще пофиг!

Хотя, эта вот ничего, без накладных примочек и ботокса, или чего они там колят, чтобы их раздувало?

Ну да ладно, тоже пофиг.

С усмешкой выдыхаю. Эта кукла с такой ненавистью и презрением смотрит на меня, что хочется прямо здесь загнать ее на капоте и наказать. Просто, ну, нифига себе!

Нет, вы только посмотрите, она еще и губы скривила, словно ее вот-вот стошнит. Тоже мне, кобыла породистая.

— Арсений, я тороплюсь, — приводит меня в чувства знакомая Осипова.

Черт. Какого хрена эта пигалица меня так всколыхнула?

— Я само спокойствие, чтоб ее, — убеждаю сам себя. Пофиг ведь!

Да мне вообще по бензобаку, что она обо мне думает, и как смотрит.

Сажусь в тачку и еду в ближайшее кафе, мне к левому вайфаю подключиться надо.

— Расценки знаешь? — бросаю клиентке и протягиваю номер, который у меня чисто для бабок прикручен.

— Угу, — быстро кивает и через минуту уже показывает экран с только что прошедшим переводом.

Влезаю в систему, исправляю девушке некрасивую оценку на красивую, подчищаю следы и выхожу. Вообще плевое дело. И никто никогда не вычислит. Остальное не мои проблемы.

До вечера решаю личные дела. Снова еду в военкомат. Но и в этот раз меня разворачивают.

— Какого черта, я не пойму? Я годен!

— Откуда я знаю, Городецкий, — вздыхает сотрудник военкомата, разводя руками. — Ну не было на тебя приказа, я что сделаю?

— Да как так-то? — возмущаюсь, не понимая причины

отказа.

— Ты нормальный? Все бегают от нас, а ты к нам. Накосячил где-то и решил армией прикрыться?

— Да нигде я не накосячил! — возмущаюсь. Нет, ну а с хрена ли?

— Ну тогда гуляй, пока можешь. Рано еще, не все списки есть.

Зашибись.

Что ж меня вокруг все так бесит-то, а?

Наверное и впрямь пора в клубешник завалиться. Да и Осипов уже устал названивать, снова зачетных телочек пригласил в нашу випку. Он у нас ценитель прекрасного, простые ему по боку.

Еду в неон, но и сегодня как-то без особого энтузиазма. Вроде и горячие девочки ждут, а у меня в башке злость и... юбочка в складочку.

Бесит.

Надо бы кого-нибудь выдрать хорошенько в таком же прикиде, чтобы отпустило.

И такая даже находится!

— Саша, если не ошибаюсь? — жестом приманиваю к себе яркую брюнетку. Мы с ней уже тусили как-то разочек.

— Да! — радостно падает мне на колени. А в глазах уже пошлые огоньки вспыхивают. — Прокатишь меня?

— Да, — сегодня ей выпадет такая честь. — Только с губ сотри, — морщусь на красную помаду. — И поменяйся со

своей подружкой кофточкой.

— Ок. А что с этой не так? — ведет пальчиком по моей груди. Довольна, что сегодня мое внимание принадлежит ей. А вот остальные либо обиженно дуют губы, либо висят на Никите. Его девочки тоже любят, он у нас “золотой” мальчик.

— Люблю черный, но сегодня меня вставляет белый верх. Девушка стягивает с себя верх, оставаясь в бюстгальтере и что-то втирает на ухо своей подружке.

— Городецкий, ты охренел? Сейчас Ларс подскочит, а ты уже сваливаешь?

— Я недалеко и ненадолго, — ухмыляюсь.

— Я-то понятно. Как ты это делаешь? Вы еще даже не ушли, а она уже раздевается, — наблюдает, как та меняет кофточку.

— Осипов, не приbedняйся. Ты сам каждые выходные экзотикой разбавляешь.

— На следующих, между прочим, будут азиатки, — растягивает довольную лыбу. — Кстати, а где ты тех мулаток достал? Я бы повторил.

— Да я не знаю, какого лешего ты торчишь в физкультурном. Я говорил, что на международный идти надо.

— Бес, как и ты, тоже мой лучший друг, я за компанию пошел. А он, кретин, из обоймы выпал со своей Светловой. Еще и Красавчик туда же. Придурки, короче. Я надеюсь, в нашем строю больше боевых потерь не предвидится?

— Как знать, Оси, — ржу. — К октябрю Ярик приехать должен. А там сам знаешь, кто у Волкова сейчас живет.

— Они ж не контакат с Лидой.

— Ты забыл, как мы их из клубешника вытаскивали? А тот мордобой, который Ярик из-за нее устроил? А из-за кого она из дома сбежать собиралась? Ты думаешь, он приедет и ничего не будет? Наивняк.

— Главное, мы в строю. Так что там по мулаткам?

— Номерок дам, а там сам договаривайся, я на выходные сваливаю.

— Ну что, погнали куражить? — цепляет Оси девчонок, одна из которых уже переделась и на старте.

— Прости, Никит, но я сегодня с Арсением, — вышагивает в мою сторону, застегивая пуговицы на белой блузке. Оцениваю. Ну, норм, душу отвести пойдет. Главное, дресс-код подходящий, черный низ, белый верх.

— Ладно, ты все равно не “мисс”, да?

— Оси, ты еще конкурс устрой на ночь с тобой, — не осуждаю, но такой тяги к идеальным красоткам не разделяю, мне разные по типуажу нравятся.

— Привет, пацаны! — является на этаж Ларский. Он редко бывает конкретно в нашей компании, но отрывается со страшной силой. Бывает даже с беспределом.

Нет, я тоже не мальчик-зайчик, и за мной грешков полно, но сегодня меня вставляет другое. Хочу уже задрать эту чертову черную юбочку.

— Ты че так долго? — хлопком пожимает ему руку Осипов.

— Да родаки свалили, нужно было охрану дожидаться, указания раздать, чтобы сестру из дома не выпускали.

— У тебя сестра есть? — торможу, ни разу не видел и не слышал о ней, хотя периодически тусим вместе.

— Да, ее из Англии тетя привезла. И только попробуйте кто-нибудь подпортить, — угрожающе выставляет указательный палец в нашу сторону. — Башку снесу! Ее абы кому не отдаст отец. Только выгодный брак.

— Не гони, Тим, она ж мелкая еще совсем, я помню ее еще с бантиками на светлых кудряшках, — морщится Некит. У него у самого есть младшая сестра, ей лет тринадцать вроде, тоже мелкая, короче.

Ясно, поэтому никто и не в курсах. Мелкая и кудрявая. Да и в принципе иметь родственниц моих друзей для меня табу.

— Ладно, я свалю на часок, — предупреждаю пацанов.

И только я собираюсь встать с дивана, как в кармане вибрирует телефон. Только бы не Волков а, весь кайф ведь сейчас обломает.

Но номер на экране неизвестный.

Какого черта? Кому там надо?

— Да, — рывкаю в трубку, перекрикивая музыку.

— Привет, это Соня. Мы виделись вчера возле универа, — мямлит слишком тихо, но слова разбираю.

— И?

— Ну, как бы сказать... — чуть ли не заикаясь. — Мне нужна твоя помощь.

Неожиданно.

И тут я, глядя на ту, которая меня ждет, понимаю, что по другую сторону трубки что ни на есть оригинал моей внезапно вспыхнувшей злости, который мне так захотелось выдрать, и естественно продолжаю слушать ее, а не посылаю первым же рейсом в Амстердам.

— Арс, поедем? — трется возле меня Сашенька.

А у меня на другое уже реакция пошла. И это, как чертова установка ПО, без возможности откатить. Да и оригинал взломкой не заменишь, как не крути.

— Я... я заплачу, только это срочно, — пищит в трубку принцесса.

Заплатишь. Еще как заплатишь.

— Говори адрес.

Глава 6

(Соня)

Пока родители на приеме с какими-то очень важными для бизнеса людьми, а брат слинял в клуб, я крадусь в сторону выхода так, чтобы не попасться на глаза охраннику. Для этого даже пришлось камнем разбить вазу в саду, чтобы его чем-то занять.

Да, рискованно, но этот риск оправдан. Если родители узнают о двойке, мне крышка. Я серьезно! Меня из-за зеркала-то наказали, машину отобрали на целый месяц, а из-за плохой отметки точно закроют дома. Видите ли, мои поступки позорят честь семьи, роняют репутацию, которая сейчас им очень нужна. Папа трясется над каждой статьей в местных пабликах, не дай бог о семье Ларских напишут что-нибудь нелицеприятное. И почему-то именно я в последнее время становлюсь той самой причиной их возможного возникновения.

Ныряю в гараж и уже оттуда выбираюсь на улицу. Кажется, пронесло. Натянув на голову капюшон, тороплюсь к крайнему дому, возле которого меня в прошлый раз высадил Городецкий. Не хочу, чтобы он знал мой адрес. Хотя скрывать конечно же бесполезно, все прекрасно знают, где живут Ларские. Но он ведь не знает, что я Ларская, поэтому лучше перестраховуюсь. Пусть и дальше думает, что я какая-то оче-

редная мажорка из элитного района. Хотя так оно и есть, в общем-то. Но у нас тут полно таких, так что меньше знает, крепче спит. Так я себя уговариваю, чтобы чувствовать хоть какую-то мнимую безопасность и конфиденциальность.

Когда иду по улице, уже замечаю машину, сиротливо припаркованную под раскидистым деревом, с которого уже начинают осыпаться листья. Фары погашены, свет в салоне тоже. Может это не он? Хотя нет, машина вроде та же, что подкатывала недавно к нашему универу. Ну да, она.

И только я приближаюсь к ней, как дверца с тихим щелчком распахивается.

Меня трясет от страха и волнения. Но, осмотревшись по сторонам, я все же сажусь в машину. В нос сразу же пробивается приятный, ненавязчивый запах ароматизатора, смешанный с запахом самого хозяина автомобиля. Его я помню еще с прошлого раза. Еще бы забыть такое! Не каждый раз какие-то наглецы пытаются залезть к тебе под юбку.

— Ну, привет, принцесса, — усмехается этот... как бы его так назвать, чтобы охарактеризовать?

Агрессивный павлин? Да нет, он вроде внешнеостью не кичится, хотя вполне себе симпатичный. Котьяра маргинальная? Нет, шрамов тогда не хватает, а губа уже зажила, как на собаке. Во! Шизоидный котьяра! Именно такое у меня впечатление. Словно он довольный, сытый, расслабленный, но агрессивный, сунешься, и останешься без пальца. А то и без руки по локоть. Неадекват, короче.

— Жаль, что ты сегодня не в той развратной черно-белой форме.

— Развратной?

Никогда бы не подумала, что стандартная черная юбка и белая блузка могут быть развратными. Больной.

Я не знаю что ответить на такое, поэтому в салоне на пару секунд повисает тишина. Причем такая, что слышно, как у меня стучат зубы от холода. И щелкает блокировка дверей.

— Да ладно тебе, я не кусаюсь, можешь расслабиться. Расслабимся вместе? — подхватывает прядь моих волос и накручивает на свой палец.

— Я по делу здесь, — отстраняюсь и перекидываю волосы на другую сторону. Они у меня прямые, но от влажной погоды некоторые прядки бастуют и все же вьются, поэтому старательно приглаживаю их.

На рукаве Городецкого замечаю длинный темный волос. Блин, уже мой, наверное. Зачем-то снимаю его и бросаю на коврик.

Игнорируя его вздернутую бровь, продолжаю:

— Мне сказали, что ты можешь исправить оценку.

— Могу. И?

— Мне очень надо! Я заплачу, расценки знаю, — продолжаю выдавать слова, заламывая пальцы.

— Тормози, принцесса. У меня нет фиксированной таксы.

— Ладно, хорошо, — теряюсь. — Я заплачу, сколько скажешь.

Вот, блин, кажется, придется выложить все накопленные деньги. И те, что мне подарили на день рождения, в том числе. Это у Тима есть доступ к родительскому счету, а у меня нет. Даже обидно.

— Тебе я цену уже озвучил, — отрезает.

Да? Сколько он сказал? Я, кажется, пропустила это мимо ушей из-за того, что сильно нервничаю.

— А, эм... Можешь повторить? — поджимаю губы.

— Можем поехать в гостиницу, или тупо в тачке, как хочешь.

— Зачем куда-то ехать? Я здесь все сделаю, — хлопаю глазами. Проверяю телефон, инет ловит, я могу перевести прямо здесь и сейчас.

— В тачке, так в тачке, — довольно ухмыльнувшись, кладет локоть на спинку моего сиденья и ведет пальцами по моей шее.

Отстраняюсь.

— Без прелюдий даже? Ок, как пожелаешь. Тогда прыгай на колени, детка, — откидывается, дернув сиденье назад.

— Что? На колени? З-зачем? — округляю глаза и машинально свожу ноги сильнее, ударяясь коленями.

А потом до меня доходит смысл его слов! И разом весь страх перед родителями и стыдоба за оценку схлопываются, как что-то незначительное по сравнению с тем, что сейчас происходит. С тем, что он мне предлагает!

— Ты что... Ты думаешь, я за оценку... — судорожно

вздыхнув, дергаюсь в сторону и ударяюсь о ручку на дверице.

Обхватываю себя руками. Он же выпустит меня?

Ухмылочка с лица Городецкого исчезает. Он ведет каким-то странным сканирующим взглядом по моим полыхающим щекам, по слишком заметно бьющейся венке на шее, даже я это чувствую. Продолжает скользить своим странным взглядом по моим пересохшим губам, по пальцам, которыми я вцепилась в свои плечи.

— Стой-ка, — его голос звучит заметно ниже, но все еще с той похабной ноткой, с которой он все время разговаривает. И говорит медленнее, словно издевается. — Ты что, серьезно? Пришла ко мне, торгуешься, а когда дело дошло до расплаты, делаешь глаза, как у испуганной совы?

— Я говорила о деньгах! — с каким-то отчаянием выкрикиваю.

По его лицу одна за другой сменяют друг друга разные эмоции. От раздражения и досады до понимания и разочарования. Но все они растворяются в привычном цинизме.

— Да ладно, спустя столько времени ты все еще без апгрейда, с базовыми настройками? Ты же говорила, что тебе есть восемнадцать.

— Мне вообще-то уже девятнадцать, — зачем-то поправляю его.

Раз он все понял, теперь не будет намекать мне на всякие там пошлости и наконец возьмет деньги. Да? Мы же договоримся?

— Так сколько тебе перевести? — да, я как дура, все еще надеюсь, что он мне поможет.

Но этот козел продолжает сверлить меня своими глазищами. Смотрит прямо, даже не смущается. Но в них появляется что-то новенькое. И от этого мне становится еще страшнее.

— Мои условия не изменились, цветочек. Мне нужна ты.

Глава 7

(Арсений)

— А она?

— А она девственница до сих пор, — усмехаюсь в трубку, базаря с Яром. — Панику развела. Врубила синий экран и выскочила из моей машины. Да с такой скоростью, что я пока тачку разворачивал, потерял ее из поля зрения.

Ставлю телефон на громкую и наливаю кофе.

— Козлом меня назвала и слиняла, — ржу. — Впервые на моей памяти девчонка не за мной, а от меня бежала.

— Кто такая? — угорает вместе с нами Ярик.

— Без понятия, знаю только, что она из буржуйского поселка, в котором Ларский живет.

— Так может, сестра его?

— Не, точно нет, — выдает Осипов, поглощая пирожки, которыми меня дальняя родственница подкармливает, мы в одном доме живем, она теща нашего Красавчика, кстати. — Ларская младше Темыча намного, года на четыре вроде. И тем более, она светлая, я помню еще с того момента, когда на ее седьмом дне рождения был. По описанию точно не она.

— И? Торкнуло тебя что ли? — прикалывается Ярик. А меня от этого как-то малость дергает.

— Меня? Не гони, Бесенок, такая если только для Некита проканает, — отвечаю, толкая Оси в плечо, за то, что хапнул

последний пирожок. Отбираю и закидываю в рот.

— Меня? — возмущается Некит. — Вообще не мой типаж. Меня ваши натуралочки не прикалывают. Ни спереди, ни сзади, ни смачного отсосника. Мне готовый продукт нравится, отрихтованный. Да простят меня святые бесы.

— Тонко подмечено, — ржу в голос с подкола Оси над Бессоновыми, отбив тому кулаком.

— Вы реально два дебила, — возмущается Яр.

Что он, что его брат старший, Ромыч, оба Бессоновы и оба тащутся по Светловым, их родаки на вере помешаны, оттого и свалили из дома. Поэтому братишки у нас теперь “святые бесы”.

— Слушай, Арс, по братски, — блеет в трубку Ярик. — Сгоняй сегодня к спорткомплексу, а? Ну, просто проверить, все норм?

— Сгоняю, если надо. Только почему я, а не Волков или Ромео?

— А он их уже просил, это чтобы не палиться, — шепчет мне Оси. Ну, Некит, все дела знает. — А я на прошлой неделе гонял.

— А ты говорил потерь не будет, — усмехаюсь ему.

— Я все слышу, придурки! — возмущается Ярик, а мы снова ржем в два голоса.

— Оси, ты-то чего ржешь? Часики тикают, скоро и тебя прогнут по какому-нибудь бизнес-проекту, — забираю грязные чашки из-под кофе и сваливаю их в раковину. — Будешь

потом ныть, как Красавчик, по какой-нибудь зазнобе, умоляя папочку не выдавать тебя замуж.

— Пффф! Я? Да ни в жизнь! Меня ждет наследство, да. Но! В этом нет ничего плохого. Это даже круто. Просто к богатой жизни прибавится постоянный секс по будням, в промежутках между выходными с экзотикой. У меня будет красивая женушка, которая все свое время будет только и заниматься тем, что торчать в салонах и пластических клиниках, чтобы удовлетворять мои капризы. Я гребаный счастливчик!

— Эх, зря не порол тебя батя, Никитка, ох, зря. Ладно, пацаны, мне пора, у меня запись начинается.

— Давай, музыкальный ты наш, твори, я тебе вечером тогда звякну, — сбрасываю вызов. — Все, Оси, валим, мне тоже пора. Надо в военкомат сгонять, там меня бортуют какого-то хрена. И к матери сгонять, поправить оградку надо.

— Арс, дай мне свои шмотки, а? Я верну, честное братское. Может, они у тебя на баб заговоренные? Или тачка? Или парфюм? — хватает с комода флакон и брызгает на себя. — Или дело в сереге? Надо тоже такую поставить.

Ну кретин же? Вечно он на шарнирах.

— Оси, тебе еще не надоело дурака валять?

— Неа!

Закрыв хату, подбрасываю Оси до центра и валю в военкомат, снова ругаюсь с Потаповым.

— Сынок, я тебе еще раз объясняю, нет! Как будешь в списках, так не пропустим, можешь не волноваться. И какого

черта ты вообще сюда ходишь, как на работу?

— В корень зрите, товарищ прапорщик. Работать хочу. Со срочки сразу на призыв.

— И куда? — вздыхает, сканируя меня с головы до ног.
— В спецназ тебя не возьмут,дохлый какой-то, да и внешность приметная. В танк ты со своим ростом не влезешь, в стройбат так рвешься?

— Почему в стройбат? В информационные хочу.

— Да, ну? Что, в компьютерах шарить?

— Так точно. Могу кое-что.

— Мой отремонтировать сможешь? А я разужнаю, почему тебя не взяли.

— Идет, — соглашаюсь на взаимовыгодную сделку. А там, глядишь, и дальше прорвусь. Хоть какие-то сдвиги намечаются.

После военкомата еду за город к матери. Я ее только по фоткам знаю. Она молодая совсем была, когда меня родила.

Тогда и умерла, роды были тяжелые. Ба меня не винит, а вот я сам себя – да. По ее рассказам мать даже не сказала, кто отец, обижена была на него. Но меня оставила. Лучше бы избавилась.

Так что кроме бабушки у меня никого и нет по сути. Нет, дальние родственники есть, но вот от этого легче как-то не особо становится. И если бы не ба, давно бы куда-нибудь влез. А так, ее расстраивать не хочется, у нее сердце слабое. Но иногда и это не помогает. Вернее, не иногда, а частенько.

И чем дальше, тем чаще. Вот и выходит, что армейка единственный вариант человеком стать, там дисциплина.

Гоню по трассе под двести. Несмотря на уже осеннюю погоду, с открытым окном. Так мозги остывают. Такая вот перезагрузка системы.

Сворачиваю на грунтовую дорогу и еще минут двадцать плетусь к кладбищу. Оно старое, раньше к здешней деревне относилось, но и она уже лет как десять вымерла. А маму просто положили рядом с ее дедом и бабушкой. Вот и ба все время говорит, чтобы я и ее сюда же... Нет, даже представить себе не могу, что это вообще когда-то может произойти. Тогда точно без якоря останусь, снесет к хренам.

Иду между могилами по узкой протоптанной полосе. И чем я ближе, тем ощутимее к горлу подступает ком. Сегодня по плану, кроме разговора с фотографией, уборка территории.

Но уже на подходе торможу и скидываю с плеча спортивную сумку с инструментами. В непонятках оглядываюсь. Нет, перепутать точно не мог.

— Какого?

Оглядываюсь еще раз. Да нет, все здесь. Вот только могила матери не та.

Что за глюки?

Подхожу ближе.

Вместо привычного, окрашенного в голубой памятника, мраморная плита с крупной выгравированной фотографией.

Свежие венки и ограда поправлена.

— Кто это сделал? — серьезно смотрю на улыбающуюся маму, именно это фото я вижу впервые, у нас такой в архиве нет.

То ли лыжи не едут, то ли я шибанулся.

И от нее ответа, конечно же, не получаю.

Постояв так в тишине еще минут десять, закидываю сумку обратно на плечо и еду к любезной Зинаиде Кузьминичне за разъяснениями.

Подъезжаю к дому и сразу решаю калитку починить, которую обещал на выходных до ума довести.

— Арсюша, сынок! — выходит ба, кутаясь в шаль.

— Привет, ба. Ты чего раздетая вышла? Иди в дом, я сейчас ручку прикручу и зайду.

— Да ладно тебе возиться в такую ветреную погоду, пошли, я щей наварила, как чувствовала, что ты раньше явишься.

Но калитку я все равно до ума довожу, как и обещал.

Мою руки и сажусь за стол, на котором уже дымятся ароматные щи со сметаной.

— Ба, ты на могилу памятник новый не заказывала?

— Нет, Арсюш. Мы ж договорились по весне поменять. Да и зачем сейчас в такую грязь с этим возиться.

— А тетя Оля не могла? Ты ее не просила?

— Что случилось, Арсений? — становится серьезной, вытирая руки о кухонное полотенце.

— Я у тебя узнать хотел. У мамы памятник новый стоит. Ба швыряет полотенце на табуретку, не отвечает.

— Кто поставит-то мог? Я думал ты кого попросила. Может, ухажера своего?

— Не выдумывай, не просила я никого. С тобой договорились, зачем я людей чужих буду дергать?

Двадцать с лишним лет никто не трогал, а тут...

— Ладно, у тети Оли спрошу. Щи отпад, ба!

— А то! С квашеной капустой. А сметану сосед принес. Все ходит и ходит, покоя не дает.

— Нравишься ты ему, вот и ходит. Мужик просто так ходить не станет.

— На кой мне он нужен на старость лет? — возмущенно скидывает руками.

— Зря, не скучно было бы.

— Сама со своей скукой разберусь. Ты лучше скажи мне вот что. Ты когда хоть девушку себе найдешь? А то живешь бобылем. Питаешься одними полуфабрикатами. Исхудал совсем. И дома бардак поди. А так было бы кому держать тебя в узде.

— На кой мне эта узда, ба? — смеюсь.

— Тебе, может, и не нужна, а мне спокойнее было бы, — бубнит, наливая чай.

— Да и ем я нормально, готовлю же иногда. И тетя Оля только вчера пирожки приносила.

— Арсющ, — садится рядом и кладет руку мне на плечо.

Накрываю ее своей ладонью. — Осторожен будь. Неспроста Ладочкину могилку кто-то потревожил. Да и вообще.

— Хорошо, ба, не переживай.

Сам знаю, что неспроста.

От бабули еду к спорткомплексу, как и обещал Ярику. Вот только убедиться, все ли там норм у Лиды даже не успеваю. Ну, как не успеваю... Как только двери распахиваются, на меня налетает сама виновница моего здесь присутствия.

— Городецкий, козлина, ты-то мне и нужен!

Ну, нихрена себе, “здрасьте”!

— Какого водяного ты мою подругу обидел? — верещит, что аж уши закладывает.

— Какую из, Светлова?

Я много кого обижаю. Вроде и сразу все поясняю, никаких отношенек, соплей и прочего. Но они все равно обижаются. Говорю ж, с ними разговора вразумительного даже не получается.

— Соню! Она из-за тебя, придурка, теперь дома сидеть будет. Ее наказали. Что, так сложно было помочь? Я Волкову на тебя нажалуюсь, пусть он тебя уволит! Скотина!

— Ага, все сказала? Вот только крепостное право отменили еще в девятнадцатом веке, в курсе?

— Я-то в курсе, а вот ее родители нет. Еще и инет отрубили. И все из-за тебя, сволочуга!

— Два балла тоже из-за меня ей поставили?

— Городецкий, вот я всегда знала, что ты такой же при-

дурок!

— Да ты договаривай не стесняйся, — стебуйся. — Такой же как...

— Как и все твои друзья!

— Особенно... Ярик, да?

— Да!

— Ну, я так и понял. И что, прям реально влетело? Прям закрыли?

— А похоже, что я преувеличиваю? — аж подпрыгивает, чтобы гавкать мне в лицо. И что Ярик в ней нашел? Она же бешеная.

— Ага, очень похоже на то.

— А вот и нет! Даже опустила некоторые неприятные подробности.

— И где твоя подруга?

Лида оборачивается и бросает взгляд на двери спорткомплекса. Ясно, здесь. Разберемся, что за стеб эти две пигалицы тут мне устроили.

Глава 8

(Соня)

Выхожу из спорткомплекса и тут же даю заднюю, как говорит Лида. Сношу кого-то за спиной, пятясь назад.

— Осторожней, блин! — возмущается какой-то парень, поправив спортивную сумку на плече.

— Прошу прощения, — пискнув, сажусь на край низкой лавочки в холле, скрываясь за широкими листьями монстеры. Хорошо, что Лида заметила Городецкого первой, иначе на него наткнулась бы я.

Так, ладно, вряд ли он здесь по мою душу. Не могут же неприятности сами меня преследовать?

Копошусь в сумке, ища телефон, чтобы написать Лиде. Если ее не заберут первой, пусть мне маякнет, что этот нехороший парень испарился. Только после этого выйду из укрытия и поеду домой. Ну, как поеду, меня теперь водитель забирает. Как под конвоем, честное слово, обидно так.

— А такой вид сверху мне даже больше нравится, — насмешливо раздается над головой.

Замираю. Поднимаю голову и... Лучше бы я этого не делала! Упираюсь взглядом прямо в район паха этого наглеца. Подскакиваю на ноги, роняя и сумку, и телефон. А он продолжает нахально улыбаться.

— Да не суетись, ты. Суетолог, блин.

— Что тебе нужно? — смотрю на него затравленным котенком, ибо мне вообще не нужны проблемы. А он их источник. В голове уже моргает красный: бежать!

Я резко хватаю свои вещи и даю деру. Но он меня словно тряпичную куклу ловит за капюшон спортивной кофты.

— Отпусти! — вырываюсь, но выглядит это просто смешно. Я всем телом трепыхаюсь, а он и не старается применять хоть какую-то силу, держит меня чуть ли не двумя пальцами.

Перестаю дергаться и поправляю на себе одежду. Неприлично так выглядеть. Еще и волосы растрепались. Я леди вообще-то.

— Так-то лучше. Пошли, припадочная, подброшу, — тащит меня к выходу.

Я пытаюсь упираться ногами, но бесполезно, они попросту скользят по полу.

— Я с тобой не поеду!

— Поедешь.

— Не поеду!

Городецкий резко останавливается, а я от неожиданности врезаюсь в него. Пискнув, хватаюсь за нос. У-у-у, больно!

Вот только то, что происходит дальше, еще хуже! Он хватает меня под ягодицы и закидывает на плечо, предварительно отобрав сумку.

И что вы думаете? Никто! Никто его не останавливает! Парни ржут, а девчонки недовольно переглядываются. А охранник и вовсе делает вид, что ничего не замечает, уста-

вившись в экран своего телефона. И Лиду, как назло, уже забрали.

— Я не поеду! — молочу его кулаками по спине. Он что, железный, блин?

— Почему? — ставит на ноги возле своей машины. Закидывает мою сумку на заднее сиденье.

— Потому, что это аморально! — выкрикиваю я, а он, дернув бровью, начинает хохотать в голос.

В итоге он запихивает меня в машину.

— За мной сейчас водитель приедет, что я скажу родителям? — уже чуть ли не плачу.

— Что им законом запрещается ограничивать свободу совершеннолетнему человеку?

— Очень смешно!

— Вообще нет, — выруливает с парковки спорткомплекса.

— Куда мы едем? — произношу таким голосом, что самой противно становится от его жалобного тона.

Городецкий молчит. Просто одной рукой держит руль, а другой быстро что-то набирает в телефоне. Кажется, ему вообще плевать на мои жалобные пiski.

Так, Соня, ты не мямля! Давай требовательнее!

— Я спросила! — уже грубее и громче. А то теряюсь я тут перед ним. Было бы перед кем!

— Да слышал я, — даже не поворачивая головы. — Не глухой. Сиди ровно, сейчас приедем и поговорим.

Ну что за бесячий примат!

— Нам вообще-то не о чем разговаривать!

— Да брось, я знаю, что у тебя проблемы. Кто ж знал, что все так запущено. Тебя реально закрыли? Из-за какой-то оценки и коцнутого зеркала?

Молчу, обиженно надув губы. Опомнился он, про мои проблемы вспомнил.

— Просто оставь меня в покое. Знаешь, чем ты дальше, тем меньше у меня проблем. Взаимосвязь улавливаешь?

— Ну, сорян, с зеркалом я реально косякнул. А вот оценка вообще не мой косяк.

Паркуется возле набережной и глушит мотор.

— С зеркалом решу, поставлю новое, — поворачивается ко мне, оставив руку на руле. Телефон бросает на панель.

— Поставили уже, опоздал, — язвительно отвечаю. Откуда-то даже смелость появляется. Это меня, наверное, Лида заразила. — Можешь просто извиниться.

— За что еще-то? — улыбается, гад. А я почему-то засматриваюсь. Вот достается же обаяние всяким сволочным элементам.

— Хотя бы за то, что ведешь себя так. Еще и меня за какую-то распутную девицу принял.

— Да откуда мне было знать? Ты не по стандартным установкам прошла.

— А просто спросить?

— Чего? Спросить? — снова ухахатывается. — Как?

“Простите, мадмуазель, вы случайно не целочка, которую растят в тепличных условиях? А то вдоль трассы только такие и встречаются.” Так, да?

Открываю рот, чтобы возмутиться, но тут же закрываю его обратно. Ну, потому что это, блин, звучит логично. Что он мог тогда обо мне еще подумать.

Отворачиваюсь, рассматривая, как за окном не спеша прогуливаются люди по набережной. Девушка смеется, облизывает мороженое, болтает с подружками. Мужчина лет шестидесяти шагает с собачкой, так спокойно и свободно. Иногда мне тоже очень хочется больше свободы, чем мне дают. Иногда кажется, что я теряю золотое время молодости, когда живешь не по правилам, когда вечеринки до утра, свидания. У меня ничего этого нет.

— Сонь? — зовет меня по имени, а я вздрагиваю.

— Ладно, ты извиниться хотел? Все, извинился? Молодец, теперь верни меня обратно.

— Ну да, типа извинился, — хмыкает. — Просто не хотел, чтобы ты считала меня совсем уж конченным отморозком.

— А ты не конченный?

— Конченный, — легко, с усмешкой соглашается. — Но пока не настолько, чтобы из-за меня у таких принцесс проблемы были.

Он отворачивается, смотрит в лобовое стекло. В профиль он немного другой, более серьезный, взрослый, скулы выражено очерчены, нос прямой. Красивый, но все портит чер-

ный камушек в ухе. Сразу понятно, что он за персонаж.

— Кроче, я к тому, что если что-то еще, ну, не знаю, припрет типа, то обращайся. Бесплатно. В качестве моральной компенсации.

— Поразительно много слов паразитов, — бормочу вслух.

Он снова поворачивается и хмурится.

— Пардоньте, мадмуазель, — недовольно бросает и выходит из машины, хлопает дверью. Обходит и распахивает дверь с моей стороны. — Вылезай.

Ну, сволочь!

Глава 9

(Соня)

— Вылезай, — кивком выгоняет меня из машины.

Он серьезно? А как я обратно? Из чужого, незнакомого района, еще и с сумкой. А еще не конченный он! Сволочуга! А, так он же и не отрицал. Что ж, действительно, чего это я.

Унижаться перед ним не собираюсь. Гордо задрав подбородок, выхожу из машины. Городецкий толкает дверь и ставит машину на блокировку. Уходит.

— Эй, ты куда? — испуганно тороплюсь за ним.

А как же моя сумка? Ну, или хотя бы телефон, он остался на сиденье. Черт.

Однако далеко он не уходит. Плюхается на скамейку, откидывается на спинку и подставляет лицо заходящему солнцу.

Удивленно таращусь на него. У него такой вид, словно он еще чуть-чуть и замурлычет от удовольствия.

— Иногда, Сонька, надо расслабляться, отпускать мозг, расслабляться телом, иначе крышняк поехать может. А ты слишком заморачиваешься, — говорит, не открывая глаза. — У тебя установки, рамки, запреты. Поэтому ты такая дерганая, психованная и зажатая. Садись.

Зачем-то слушаюсь и опускаюсь рядом. Тоже закрываю глаза, подставляя лицо осеннему солнышку, так приятно,

тепло, слышен тихий плеск воды, ветерок освежает кожу. Немного расслабляюсь.

А потом дергаюсь, как ненормальная от того, что он прикасается кончиками пальцев к моей скуле. Смотрю на него волком.

— Да расслабься, ты, — достает из кармана маленькую шоколадку, разламывает ее пополам и одну часть протягивает мне. — Держи, шоколад снимает стресс. Научный факт, между прочим.

Мне запрещено есть сладкое. Но почему-то именно сейчас хочется нарушить все эти чертовы правила. Поэтому принимаю дольки и засовываю в рот.

И мир замирает на те мгновения, пока шоколад тает во рту. Медленно, обволакивает, даря горьковато-сладкий вкус. Он растекается теплой волной, даря нечто абсолютно прекрасное. Облизываю губы, продолжая смаковать и наслаждаться. Не раскусываю, чтобы продлить удовольствие.

А когда открываю глаза, моментально краснею под его странным взглядом.

— Слушай, — двигается он ближе. — Давай сходим куда-нибудь? В кино, парк или куда там еще вы, принцессы, ходите, когда сбегаете из замка?

— Ты издеваешься?

— Да. Просто я таких девственных принцесс настолько близко вживую еще не видел, — точно издевается. — Любопытство разыгралось.

— Я не экспонат. И никуда я не сбегаяю. Это было-то всего один раз. И тот по глупости.

— Серьезно? И пары никогда не прогуливаешь? И матерных слов не знаешь? И фаст-фуд не ешь?

Я молчу. Потому что нет. Он прав.

— Жесть, — вдыхает он. — Ладно, принцесса, поехали, верну тебя обратно, а то у тебя система глюкнет от такой перегрузки несанкционированными файлами, — опять смеется надо мной. Вот не придурок, а?

Городецкий отвозит меня к спорткомплексу, но не к центральному, а к аварийному выходу. Идет со мной и дергает за дверь, проверяя открыто ли. Открыто.

— Все, давай, — практически толкает в спину. — Скажешь, что тренер задержал или в душе воду отключили, в общем, соври что-нибудь. Или ты и врать тоже не умеешь?

Не умею, но в последнее время изредка практикую. Особенно, когда мы с Лидой задерживаемся в кафе.

— Придумаю что-нибудь, — забираю у него свою сумку и ныряю в темный коридор спорткомплекса.

Уже через три минуты выхожу через парадный. Водитель ждет, нервно поглядывая на часы. А рядом с нашей машиной впритык машина Городецкого. Но он не выходит, просто наблюдает, как я сажусь и уезжаю, больной.

— Родители звонили? — спрашиваю у Анатолия. Потому что мой телефон, оказывается, сел и отключился.

— Нет, София Константиновна, у них ужин в ресторане

с партнерами, — мягко улыбается мне. Можем даже еще куда-нибудь заскочить, не желаете?

— А давай, — расплываюсь в улыбке. — В супермаркет.

— Будет сделано.

Я набираю зефира, мармеладных мишек и шоколада. Прячу их в потайной карман сумки и проношу эту контрабанду в свою комнату.

— Почему так долго? — распахивает дверь в мою комнату Тим.

— А стучаться не учили? Я вообще-то переодеваться собралась!

Но Тимофей не уходит. Когда родителей нет дома, он становится невыносимым!

— В душе горячую воду отключили. Какая-то поломка, пришлось задержаться.

Он еще пару секунд сверлит меня недовольным взглядом, потом все же закрывает дверь с той стороны.

Выдыхаю. Спасибо, Городецкий, сам создал проблему, сам врать научил.

Как дурочка лежу на кровати, жую мармеладки и чуть ли не пищу от удовольствия. Как же мало нужно для счастья. И мне плевать, что я наберу лишние граммы, что мама будет снова недовольна. Да, я буду жалеть о содеянном, но не сейчас. Кажется, проблемы из-за Городецкого перешли на новый уровень – пролонгированный.

Зарядив телефон, включаю его. На него тут же сыпятся

пропущенные звонки от Лиды. Перезваниваю.

— Соня, блин, какого водяного ты трубку не берешь? — с ходу кричит в трубку. — Я тут с ума чуть не сошла! Хотела тебя найти, но не успела, меня папа Волков забрал.

— Все нормально, Лид, просто батарейка села.

— Фух, я то уж подумала, что тебя Городецкий выцепил. Я молчу. Слишком долго молчу, не зная что и ответить.

— Сонь? Ты где?

— Дома я, Лидусь, все хорошо. Вернулась с водителем, — отвечаю, а у самой щеки горят. Хорошо, что этого не видно по телефону. Иначе Ли меня уже раскусила бы.

— Ладно. Я конечно, очень сомневалась, что Арсений хоть как-то отреагирует на мои слова и угрозы, но, видимо, сработало. Надеюсь, он больше не подойдет к тебе. Но ты если что, звони, — тараторит Лида.

— Хорошо, спасибо тебе, Лидусь.

Отключаюсь и падаю на кровать, плююсь в потолок.

Господи, что я творю? Уже вру старшему брату, даже подруге вру. А все из-за Городецкого.

Закрываю глаза и снова чувствую его пальцы на своей скуле. И вкус темного шоколада. Я облизываю губы, хотя шоколада там давно уже нет. Зачем я его вспоминаю? Он моя проблема, он плохой парень, вообще не из моего мира. Наглый, дерзкий, самоуверенный. И никуда я с ним, конечно же, не пойду. Ведь с такими, как он, все понятно.

Встаю и подхожу к зеркалу. Смотрю на себя растрепан-

ную, щеки горят, глаза блестят, губы липкие от съеденной пачки мармеладок. Тетя сказала бы, что это неприлично, непозволительно, распустила себя. А я смотрю и вижу другую Соню. Ту, которая сидела на набережной и, закрыв глаза, ловила ветер, наслаждалась шоколадом, смотрела на заходящее солнце, чувствовала себя чуточку свободнее и счастливее.

Ложусь обратно и снова думаю о нем. Мне в тот момент он не показался тем плохим, отвязным беспредельщиком, каким я его знала. Нет, он бесспорно им и остается, просто еще он... своеобразный. непохожий ни на кого. Интересный.

И только я начинаю засыпать, как на телефон приходит сообщение с неизвестного номера.

Глава 10

(Соня)

Сделав уроки, читаю лекцию по экономике. По три раза перечитываю один абзац, а смысл все равно ускользает.

Перед глазами снова и снова набережная, его идеальный профиль и наглая улыбочка.

Ты дура, София!

Ложусь спать, но заснуть не получается. Ворочаюсь с боку на бок, взбиваю подушку, считаю овец, потом баранов, потом почему-то машины. Темно-синие.

И только мне удается с таким трудом погрузиться в дремоту, как под подушкой вибрирует телефон.

Так поздно может написать только Лида. Но зачем, мы же по телефону поговорили. Достаяю телефон и щурюсь от яркого света. На экране сообщение с неизвестного номера:

«Привет, принцесса. Откроешь мне доступ к своему скрытому альбому?»

Зависаю.

Чего?

Читаю еще раз. Буквы не меняются, смысл тоже. Городецкий?

В горле пересыхает. Включаю ночник и сажусь в кровати.

Он что, просит доступ к моим личным фотографиям? С какой такой стати?

Пишу ответ. Потом стираю. Печатаю снова. А что писать-то? “Да как ты смеешь?” или “Пошел ты!” Как-то грубо. Хотя нет, для него в самый раз.

Вздыхаю.

Телефон снова вибрирует.

«Да ладно тебе, не жадничай. Я уверен, что там нет никаких интимок».

Возмущенно хватаю воздух ртом. Да он издевается!

Зло сверлю экран. Пальцы замерли над клавиатурой, хочется ответить, поставить его на место. Спросить, откуда взял мой номер и зачем он вообще меня донимает.

Сейчас тетя в обморок упала бы от того, что кто-то позволяет себе тревожить леди в такое время. Как это неприлично и компрометирующе! Вот, поэтому все, спать, София.

Вырубаю экран и кладу телефон на тумбочку. Он снова вибрирует.

Я не смотрю.

Он вибрирует еще раз.

И еще.

Да блин! Я знаю, что не должна, но рука сама тянется и я открываю сообщения.

«Жадина»

«Ладно, проехали, просто хотел проверить, точно ли достал именно твой телефон».

«Спокойной ночи, принцесса, Смотри обо мне нецензурные сны, с влажной пометкой 18+». И подмигивающий смай-

лик.

Зачем-то печатаю ответ:

«Спокойной ночи, кретин».

Отправляю и зажимаю телефон в руке, прижимая к груди. Сердце колотится где-то в горле, словно я стометровку только что махнула.

Убираю телефон и утыкаюсь лицом в подушку, тихо пискнув. Придурок!

С утра еду на тренировку. Вымотана с утра, еще и тренер говорит, что “выключена из процесса”. Это все из-за Городецкого! Всю ночь снилось, как он меня лапает. Ну мерзость же! Хотя из головы все равно не выходит.

Зато Лида умничка, сегодня дала всем жару. Правда, поговорить с ней и возмутиться, что она дала мой номер, не успеваю. Опаздываю в универ. Еще и в небольшую пробку попадаем. Поэтому на учебу приезжаю впритык к звонку. Несусь на всех парах, но все равно залетаю в аудиторию после звонка, плюхаюсь рядом с Натали. Запыхавшаяся, растрепанная, пытаюсь отдышаться.

Кац стоит у кафедры и смотрит на меня таким взглядом, будто я ее сейчас оскорбила при всех.

— Ларская, я советую вам расставить приоритеты. Либо вы спортсменка, либо все ваши усилия сосредоточьте на учебе. И насколько я осведомлена, вы не входите в основной состав. Так что для вас важнее не опаздывать на мои лекции и семинары. В следующий раз зафиксирую отсутствие, — вы-

говаривает мне Кац. — Итак. Вчера на лекции мы говорили о Теории выбора в условиях неопределенности. И на мой вопрос ответит... Ларская.

В аудитории тишина. Все смотрят на меня. Кто с сочувствием, кто с любопытством, а кто и вовсе с нескрываемым злорадством.

Черт, я же учила! Пытаюсь воскресить в памяти конспект, но...

— Ларская, мы ждем, — смотрит на меня поверх очков. Взгляд ледяной и вымораживающий. Вот откуда в ней столько яда? В ее тридцать еще рановато столько иметь. Или у змей это врожденное?

— Эм... теория выбора в условиях неопределенности, — начинаю я, пытаюсь вспомнить хоть что-то. — Она... изучает принятие решений, когда неизвестны вероятности исходов или сами возможные последствия.

— Достаточно, — недовольно клацнув зубами, прерывает меня.

Выдыхаю, плюхнувшись на свое место. Кац даже не скрывает, что это наказание за опоздание. Однако никакой оценки в конце пары мне не выставляет.

После звонка вылетаю из аудитории, сверкая пятками, Натали едва меня догоняет.

— Да забей, Сонь. Она к тебе прикапывается еще с прошлого семинара. Ты для нее любимый объект для демонстрационного воспитания.

— Ага, я очень этому рада.

— Пошли кофе попьем? — тянет меня в сторону столовой. — А ты-то чего так вяло отвечала? Будь увереннее, она и отстанет. Или реально не выучила?

— Да учила я, — вздохнув, отмахиваюсь.

Вот он, пролонгированный “эффект Городецкого”.

Плетемся с Натали на последнюю пару. Спускаемся в раздевалку. Я плюхаюсь на лавочку и устало прикладываю затылок к прохладной стене.

— Хватит киснуть, переодевайся, — толкает меня в плечо Фирсова.

Нехотя натягиваю на себя лосины и белую футболку, шнурую кроссовки. Сейчас препод заставит бегать, разминаться, а у меня сил уже нет. Почему бы спортсменам не отменить физру? Или хотя бы сделать необязательной для посещения, мы и так вкалываем.

Засовываю вещи в шкафчик. Туда же отправляется телефон, но закрыть дверцу не успеваю, телефон требовательно вибрирует. Тут же хватаю его, как ужаленная.

«Выходи, я у входа»

Сердце пропускает удар. Потом с бешеной силой начинает судорожно трепыхаться в груди.

Ох, Лида! Не ты ли и расписание мое слила? Подруга, называется.

Звенит звонок.

Быстро набираю короткое сообщение:

«У меня пара»

Ответ прилетает мгновенно:

«Знаю. Выходи, я не кусаюсь»

— Вот наглый, — шепчу под нос. — Кошак дворовой.

В зале уже раздаётся свисток и голос препода:

— Сегодня разминка, бег три круга. Остальное время баскетбол.

Нееет! Ненавижу баскетбол! Он издевается? Мне и прошлого раза хватило отхватить мячом по голове.

Стою, дышу. Думаю. Нет, это не жизнь.

А потом хватаю рюкзак, разворачиваюсь и иду не в зал, а на выход.

— Ларская! — орет физрук. Оборачиваюсь, он стоит, уперев кулаки в бока. На шее на длинном шнурке висит свисток. — Ты куда? Звонок был уже две минуты назад.

Глава 11

(Соня)

— Мне... плохо, — выдаю я на возмущение физрука. —

Голова болит.

Его отвлекают мои одноклассники и, махнув на меня рукой, он возвращается в зал.

Накинув толстовку, выхожу на улицу. Городецкий стоит возле своей машины, прислонившись к передней пассажирской дверце. В черной толстовке, темных джинсах, руки в карманах, а морда расплывается в довольной улыбке.

— Принцесса все же снизошла, а я уж думал, придется организовывать похищение.

— Ты с ума сошел? У меня пара! Зачем ты вообще явился?

— Соскучился, — ухмыляясь, дергает плечами. — Все думал, как там моя принцесса поживает?

Смотрю на него в упор. Врет и не краснеет, а!

— Я не твоя, — не громко возмущаюсь, оглядываясь на ворота. Не дай бог кто-нибудь услышит.

— Пока нет, — соглашается и улыбается еще шире. — Будем исправлять. Поехали?

— Я не поеду.

— Тогда зачем с физры слиняла?

Вот же дегенерат!

Открываю рот, чтобы выдать что-то оправдательное в свой адрес и нелицеприятное в его, но слова застревают в горле. А действительно, зачем, Соня?

Зачем я иду у него на поводу и просто бегу навстречу проблемам? Это как про всем известного котенка Гав!

“Не ходи туда, там тебя ждут неприятности. Ну как же туда не ходить? Они же ждут!”

— Садись, принцесса. Обещаю вернуть до того, как тебя объявят в розыск, — распахивает мне дверцу.

— Ты невозможен! — психую. Да, дура. Да, пожалею. Но все же сажусь в его машину.

Куда на этот раз? Набережная, парк, кино? Не хочу ничего, меня все бесит. Я еще и в таком виде. Господи, ну зачем я села в его машину? Но по-настоящему я начинаю волноваться, когда мы вдруг съезжаем с дороги где-то на окраине города. Да тут одни заброшенные здания! Какая же я идиотка! Начинаю паниковать.

Городецкий останавливает машину и глушит мотор. Оглядывает меня с головы до ног. Подумав пару секунд, тянется на заднее сиденье и достает оттуда ветровку. Протягивает мне.

— Надень.

Ладно, все ж не изнасилование в машине. Или он меня потом прикопает под каким-нибудь кирпичом? А чтобы труп не тащить, предлагает самой, ножками пойти?

Арсений берет рюкзак из машины и кивком предлагает

идти за ним. Ну точно.

— Куда мы?

— Здесь недалеко, вон, высотку видишь? Нам туда.

Поднимаю голову и непонимающе смотрю на высокое старое здание без окон.

Спотыкаюсь об обломок кирпича, но Арсений успевает схватить меня за капюшон.

— Давай руку, — хватает меня и тащит дальше.

Мы входим в темный подъезд. Арсений идет уверенно, словно был здесь сотню раз. Я стараюсь идти почти вплотную, чтобы не бояться и не убиться раньше, чем меня убьют.

— Куда? — начинаю выдыхаться к седьмому этажу. Нужно лучше тренироваться.

— На самый верх.

— Ты здесь уже был?

— Много раз. Не бойся, здесь все бетонное, крепкое.

Мы поднимаемся на последний этаж. Останавливаемся возле двери, обитой старым, кажется, вишневым дерматином, местами порвано и торчит пожелтевшая вата. Дверь не заперта, просто прикрыта.

Городецкий тянет внутрь. В пустой прихожей темно, а вот в соседнем помещении света достаточно, чтобы все разглядеть. Да тут и разглядывать уже нечего. Нет, мусора нет, просто голые стены и старая железная кровать в углу.

Мы выходим на балкон, от которого осталась одна площадка и остатки кирпичной кладки по бокам. Почти на краю

прямо на бетоне лежит широкая крепкая доска, на которую мы и садимся.

— Зачем мы сюда пришли? — правда не понимаю.

— Мне здесь нравится. Мне здесь спокойно. И тебе понравится.

Сомнительное утверждение.

Он достает из рюкзака бутылку газировки, упаковки с нагетсами, картошкой фри, соусы. Расставляет все это рядом нами.

Он, блин, серьезно? Думает, я буду есть это, еще и в таких условиях? Жуть! Совсем больной? Дикарь! Примат!

Он макает картошку в соус и закидывает в рот.

— Налетай.

— М, нет уж, — отрицательно качаю головой, сжав губы.

— Смотри, отсюда мост видно, — кивает в даль.

Поворачиваю голову и только сейчас замечаю, какой отсюда вид! Деревья кажется, что повсюду. Пушистые шапки всех осенних цветов: красные, желтые, пестрые, даже зеленые еще есть. Невероятно красиво. А вдалеке и правда виден мост, по которому медленно ползут маленькие машинки.

— Давай, детка, выкинь из башки все свои идеалы.

Если бы это было так просто...

— Хочешь фотку? — улыбается.

Киваю. Кто ж откажется от такого восхитительного вида на фоне.

Арсений обнимает меня, делает фото и убирает телефон.

Долго молчит, смотрит в даль, но меня не отпускает, так и сидим. А мне и самой не хочется вырываться. Потом он как-то тяжело вздыхает.

— И часто ты здесь тусуешься? — тянусь к рюкзаку, вытираю руки влажной салфеткой с антисептиком. Потом беру еще одну, снова вытираю. И только потом все же тащу за кончик картошку.

— Не особо. Но бывает. Здесь ночью круче. Звезды видно.

— Да ты романтик! Приезжаешь посмотреть на звезды?

— Нет, не романтик. Приезжаю, когда вокруг дерьма столько, что задыхаешься. Надо просто задрать голову и смотреть на звезды, чтобы не захлебнуться.

— М, ясно, — настороженно киваю. Да уж. Не очень романтично.

— Здесь моя мать жила.

— В этой квартире? — удивленно оглядываюсь. — А сейчас где?

— Уже больше двадцати лет, как на кладбище.

Оу. Вот, черт. Язык бы тебе оторвать, Соня. Зачем вот так, в лоб, спросила, любопытная Варвара. Да уж.

Судя по всему, Арсений даже не помнит ее. Ему ведь сколько? Двадцать два или три? Точно не больше.

— Мне жаль.

Но Арсений вдруг улыбается. Откручивает крышку и протягивает мне лимонад.

— Держи, принцесса, чего загрустила? Нормально ж все.

А я смотрю на него и пазл не складывается в правильную картинку. Уж слишком противоречивый он человек.

— Не висни, а то баги словишь.

— Кого?

— Забей. Попробуй, — настойчиво тянет мне лимонад.

— Мой любимый вкус, апельсиновый.

Пробую.

— М-м-м, и правда очень вкусно! — делаю еще глоток.

И еще один.

— Эй, мне оставь, — смеется, отбирая у меня бутылку.

Цепляю пальцами еще картошку, макаю в соус и засовываю в рот. Безумно вкусно! Нет, даже не так, божественно вкусно!

Мы еще полчаса сидим на краю и с аппетитом уплетаем все, что притащил сюда Городецкий. И вдруг ловлю себя на мысли, что мне не хочется возвращаться домой. Здесь и правда круто.

Черт, кажется, мне пузырьки ударили в голову. Сижу тут на какой-то заброшке с хулиганом и ем грязными руками фаст-фуд. Совсем сошла с ума.

Глава 12

(Арсений)

— Все, детка, погнали, времени уже в обрез, — тороплю принцессу, которую саботировал на маленькое нарушение правил поведения приличной девочки.

Зачем? Да просто захотел. Она отличается от тех, кто воспитывается с золотой ложкой во рту. Меня это цепляет. Возможно, что именно поэтому мы и дружим с Осиповым. Он не типичный мажорчик. Кажется, что поступает нелогично, но в этом всем у него своя логика. Просто не все ее понимают.

Вот и с Соней примерно такая же история, правда, с разницей в том, что Оси во все это играет сам, а вот Соня жертва обстоятельств. Как можно наказывать взрослого человека? Seriously?

— Ты чего? — замечаю, что она как-то странно на меня смотрит.

— Просто задумалась, — пожимает плечами и тянется за ремнем безопасности, пристегивается.

Ну, вот, уже задумалась принцесса, что жизнь мимо проходит, пока она в башне сидит.

— Почему ты привел меня сюда? — вдруг спрашивает о квартире матери.

— Да просто, вид красивый. Тихо, никого нет обычно.

— Но ты же до этого приходил сюда один? — зачем-то

копается в этой теме.

— Слушай, принцесса, не надумай себе лишнего, ок? Мне захотелось приехать, одному было тупо скучно. Я решил показать тебе другой вид, нежели из твоей золотой башни. И, согласишься, этот тоже неплох, так ведь?

Это просто уловка. Предупреди ее, что ничего не будет, и она расслабится. С такими это всегда работает.

— Угу, — кивает и зависает, о чем-то думает, пока я везу ее обратно в город.

В салоне тихо, только мотор урчит и ветер шумит в приоткрытое на пару сантиметров окно.

Как можно жить в стерильном мире и не жрать шаурму у обочины в два часа ночи? Соблюдать режим, и никаких тебе углеводов после шести. Сдохнуть же так можно, ей богу.

Бросаю очередной взгляд на Соню. Она в очередной раз приоткрывает рот, а потом сжимает губы, нахмутив брови.

— Да вываливай уже, что ты там сказать хочешь? — усмехаюсь над ее нерешительностью.

— Просто интересно, с чего ты вдруг решил, что мне это надо? Ну, увидеть другой вид?

— А тебе не надо?

— Не знаю, я пока не решила, — честно отвечает, задумчиво смотря в окно. — Может, не надо. А может, теперь у меня будут проблемы.

Воу, да у нее в башке питомцы целое совещание устроили по поводу произошедшего мероприятия ?

— Проблемы будут в любом случае, — пожимаю плечами.
— Это жизнь. Вопрос не в том, чтобы их избежать, а в том, чтобы выбирать, за какие из них мы готовы платить.

Она резко поворачивается и смотрит на меня так, словно я только что открыл ей формулу мироздания, смешная такая. Дорога впереди пустая, так и хочется выжать педаль газа в пол.

— Хочешь еще дозы адреналина?

— Хочу, — неожиданно соглашается. Я даже не сразу соображаю. Секунду смотрю на нее, проверяю, не шутит ли. Нет, смотрит на меня испуганными глазами, но вполне серьезно. Прогресс, однако.

— Тогда держись крепче, принцесса.

Утапливаю педаль. Мотор отзывается низким рычанием, которое распространяется вибрацией. И это не просто звук, это голос зверя, который слушается меня.

Тело приятно вдавливают в сиденье, руки жадно сжимают руль, кайф.

Несусь по дороге, изредка обгоняя впереди отстающих. В кровь мелкими порциями подается адреналин. Да, не тот, что на гонках, дозированный, словно через капельницу. Но возбуждающе приятно.

Жаль только что прямая дорога здесь всего ничего, поэтому приходится сбрасывать скорость перед поворотом.

— Ну как? — поворачиваюсь к Соне.

Она не кричит, не визжит, только сидит, вжавшись в си-

день с выпученными глазами.

— Испугалась?

— Да, — кивает. — Но это было... невероятно.

Смеюсь над ее непосредственностью.

Подкатываю к ее универу. Как раз толпа студентов вываливается после пар.

Замечаю, что она чувствует себя неловко. Хорошим девочкам стыдно кататься с плохими мальчиками? Забавно.

Но торможу возле центральных ворот. Из зоны комфорта выходить всегда страшно. Но без этого не закаляется характер. А мне почему-то хочется, чтобы она стала смелее.

— Ладно, — секунду подумав, выдаю, — можешь сказать, что я просто исправлял тебе энку.

— Ты что, учишь меня врать? — возмущенно. Нашлась мне тут, святая.

— Учю тебя выживать, принцесса, — исправляю. — Разницу улавливаешь?

Не спорит, снова сверлит меня своим пока что непонятным для меня задумчивым взглядом. Опять питомцы совещаются?

— Все, бывай, — киваю на дверцу.

Выходит. Я смотрю, как она идет к воротам, прижимая к груди свой объемный рюкзак. Оборачивается.

Завожу мотор. Резко срываюсь с места и валю домой. Не нужны мне ее странные взгляды. А сам на репите мотаю кадры этого самого ее взгляда в мою сторону.

Ударяю ладонью по рулю. Бесит. И цепляет. В голове каша, а в груди тепло, от которого хочется избавиться, потому что оно лишнее. Нужно пофиксить все это из себя. Но ее образ завис где-то в системе, и удалять не хочется.

Дома включаю комп, системник начинает гудеть, монитор загорается. Нужно доделать один проект, заказчик уже два раза напоминал про дедлайн. Сужусь, утыкаюсь, в код. Строки плывут, но мозг постепенно въезжает.

Где-то через час слышу, как хлопает входная дверь. Кого там принесло?

— Ты почему трубу не берешь, абонент хренов? — раздаётся голос Оси из прихожей. — Я тебе звонил раз двадцать!

Преувеличивает, два раза всего набирал, и то полтора часа назад.

— Занят был.

— Че гонишь? — кивает на телефон на столе. — Ты вне зоны торчал. Где тебя носило? Я уж думал, искать тебя где-нибудь в кювете.

Снова преувеличивает, я лучший гонщик в нашем городе.

— Где тебя носило? — плюхается на диван, закинув ноги на журнальный столик.

— За городом был, — отвечаю, не отрываясь от монитора. Работы осталось минут на пятнадцать.

— Один?

— Один.

— М, — недоверчиво. Но тут же переключается, доставая

телефон. — У тебя пирожков не осталось, да?

— Нет, бутеры есть с колбасой.

— Не, давай я пиццу закажу.

Он тыкает в приложение, потом отбрасывает телефон и, подмяв под себя подушку, заваливается. Дает мне в тишине доделать свои дела.

Закрываю прогу, подчищаю мусор.

— Слышал новость? — оживает Оси.

— Какую?

— Короче, вчера возле боксов небольшая движуха была.

Помнишь Пашу на бэхе?

— Ну?

— Решил бабки поднять на спор с Тимохой, дебила кусок.

Типа кто быстрее до финиша доедет.

— Возле боксов? — морщусь. Там ездить-то негде, дорога от силы метров шестьсот, и та не предназначена для гонок.

— Да! В этом и суть. Короче, с закрытыми глазами!

— Реально дебилы, и?

— Естественно, Паха в столб влетел. Живой, но тачка всмятку. Самый прикол в том, — ржет, — что Тимоха не поехал. Даже не газанул на старте. Теперь все ржут с Паши.

— Реально, дебилы, блин. Хотел бы я на это посмотреть.

— Ну, странно, что тебя не было. Да и вообще, ты какой-то странный в последнее время.

— В смысле?

— Да хз, зависший какой-то.

Да ничего я не зависший. Просто... Не знаю, что просто. И зачем Соню потащил в свое место не знаю. И нафига вообще полез вскрывать сайт с расписанием ее группы. А потом поперся к ее универу. Бред какой-то.

— Да дела были. Заказчик мозг выносит.

Он внимательно смотрит на меня секунд пять, потом протягивает:

— Ну-ну, — с явным недоверием. — Ладно, ты там доделал? — кивает на монитор.

— Да.

— Пошли пиццу жрать, привезли. Кстати, что там по поводу моей проги?

— Сделаем, Оси, но не сегодня.

— Арс, выкладывай! — подается вперед, опираясь локтями о колени. И я торможу подрываться на кухню.

— Не знаю. У тебя бывает такое, что из башки кое-что удалить надо, а не получается?

— А ты уверен, что хочешь удалить?

— Не знаю.

— Значит, не хочешь. Значит, оно надо. Иначе бы даже не спрашивал. И тем более, у меня. Ты же у нас умник.

Глава 13

(Соня)

Просыпаюсь от собственного сердцебиения. И пока еще не понимая грань между сном и реальностью, хватаю телефон.

Ничего.

Выдыхаю и падаю обратно на подушку. Значит, то был сон. А жаль, в нем мне писал Арсений.

Глупости, какие, Соня! Зачем ты вообще думаешь о нем? Каких сообщений ждешь? То, что он от скуки потащил тебя на заброшку, еще ничего не значит.

— София, завтрак! — недовольно кричит мама.

Вскакиваю, переодеваюсь сразу в спортивный костюм и спускаюсь вниз. Сегодня выходной, но у меня тренировка. Идти совершенно не хочется, но если я не пойду, мне мама весь мозг выпотрошит.

Жую Овсянку, а сама смотрю в окно. Мысли где-то далеко, там на дороге, когда я одновременно почувствовала и страх и свободу.

— Ты меня слышишь? — нервозно прорывается в мое сознание голос мамы.

— А? Да, мам.

— Я говорю, что Анатолий сегодня везет меня в салон красоты. Поэтому вызови себе такси.

— Хорошо, — киваю, выковыривая из каши голубику. Голубику люблю, кашу — нет.

— Прекрати! Ешь все, иначе в обед снова съешь что-то лишнее.

“Проблемы будут в любом случае. А мы лишь выбираем за какие готовы платить”. Ну, овсянка того не стоит. Поэтому молча продолжаю ее заталкивать в себя.

— Так, после тренировки сразу домой, ясно?

— Почему? Я хотела немного поболтать с подружкой.

— София! У нас в доме будет важный гость. Ты должна ему максимально понравиться. Поэтому прихорошись и надень платье. И можешь даже подкраситься, особенно губы, но не переборщи.

В недоумении смотрю на маму. Это что, шутка? Мама сама говорит о том, чтобы я накружилась? Это что-то новенькое.

— Ты должна показать себя очень воспитанной, умной девушкой. Это очень важно, — давит меня взглядом.

Боже, что ж там за гость такой, что мама готова из кожи вон вылезти, чтобы ему угодить? Даже на праздновании Дня рождения у папы среди его партнеров по бизнесу меня так не презентовали.

— Хорошо, — киваю.

— А книгу, которую я тебе сказала прочесть, прочла?

— Да, мама, — снова киваю. Гомер тоже не стоит того, чтобы я из-за него расплачивалась. Но мне не понравилось,

максимально пафосно.

— Умница, все, я опаздываю.

Выковыриваю из каши голубику, остальное вываливаю в мусорное ведро. Ну не люблю я эту овсянку на воде!

Услышав шаги, быстро оставляю тарелку в раковине и хватаю свои витамины, делая вид, что торчу на кухне именно поэтому.

— Доброе утро, Тим! — Привет, мелкая, — зевая, открывает холодильник и тянется к живительной минеральной водичке.

— Ты в клубе был? — любопытно мне, он пришел вчера поздно, родители уже спали. Вот почему ему можно, а мне нет? Я тоже хочу общаться с подругами во вне учебное время.

— Тебе какое дело? — раздраженно бросает.

— Да никакое, — обиженно плетусь на выход. — Мог бы меня подбросить до спорткомплекса.

— Не мог бы. Я вчера поздно вернулся. Давай, вали на свою тренировку.

Погода на улице сегодня снова радует. Так не хочется, чтобы она портилась. Но, увы, скоро будет холодно, дождливо, мерзко, в общем.

Дожидаюсь такси и сажусь в машину. На выезде с нашей улицы раздается глухой хлопок. Я взвизгиваю, схватившись за водительское сиденье впереди. Нас заносит, но таксист выруливает на обочину и останавливается. Я в шоке, меня

трясет.

— Что это такое?

— Колесо пробили, — обреченно пожимает он плечами.

— Вызывайте другую машину.

Я выхожу и дрожащими пальцами пытаюсь разблокировать телефон. Вот, черт!

И родители удружили, ведь я могла бы поехать на своей машине, а не в такси. Спасибо, что усложнили мне жизнь!

Возле нас вдруг останавливается машина. И я уже безошибочно определяю, чья она. Стекло медленно ползет вниз.

— Арсений? — удивлена, что он здесь.

Он бросает взгляд на мужика, который достает запасное колесо, и киваем мне, приглашая сесть.

— Подбросить?

Конечно да! Иначе я опоздаю на тренировку. Быстрым шагом оббегаю машину и сажусь на пассажирское сиденье. Выдыхаю. С Городецким как-то спокойнее ездить, он умеет рулить, уж я-то сама в этом успела убедиться.

— Спасибо, мне в спорткомплекс, — щелкаю ремнем безопасности. Боже, как он вовремя! — А ты как здесь оказался? — вдруг осеняет меня. Стоп. Он что, преследует меня?

— А у меня хобби такое, по утрам спасать принцесс, — ухмыляется, демонстрируя мне ямочки на щеках. — К знакомому ехал. Он здесь, недалеко живет.

Врет?

Но тут ему на телефон кто-то звонит. Городецкий поднимает трубку:

— Да. Нет, сорян, у меня срочное дело появилось. Нет, позже давай. Ну, как хочешь. Ага, давай, — бросает телефон на панель и подмигивает мне. — Погнали?

Фух, не врет. Он действительно просто куда-то ехал. Но не поехал! Зачем-то коротко бросаю ему улыбку.

Он врубает музыку, и мы мчим по нужному мне маршруту. Я то и дело бросаю взгляд на его профиль. Понятно, почему девчонки на него вешаются. Красивый, гад! Обаятельный, как кот мартовский. А улыбается как!

— Чем после тренировки занимаешься? — ловит меня с поличным, что я плююсь на него.

— Я занята, — слишком резко получается ответить. — Мама какой-то важный ужин устраивает, мне обязательно нужно быть, — зачем-то оправдываюсь.

— Ясно, а на охране у тебя дракон имеется?

— Нет, — смеюсь.

— Напиши мне перед сном.

— Зачем?

— Ну, открывать мне свой альбом ты не хочешь, так хотя бы поболтаем. Потому что сбежать из замка ты пока не решаешься.

Отвернувшись, смущенно улыбаюсь. Он тянется ко мне и берет за руку, сплетает наши пальцы, гладит. У него такие теплые руки, он так нежно меня касается, что по телу бегут

мелкие мурашки, распространяя тепло. Это очень приятно. Прямо очень!

Арсений останавливает машину у спорткомплекса и медленно отпускает мою руку. Я вылетаю из машины и тороплюсь в здание. Надеюсь, он не заметил, как горят мои щеки.

— Сонь! — окликает меня Городецкий, показывая пальцами, чтобы я ему написала.

Киваю и вваливаюсь в двери. Тут же чуть не врезаюсь в Лиду.

— Соня! Это что сейчас было? — хватается меня под руку и тащит в сторону, к той самой монстере.

— Лид, я все объясню!

— Это же Городецкий, Соня! Ты с ума сошла?

— Он просто подвез меня, — возмущаюсь.

— Ага, я видела, как ты на него смотрела!

— Как?

— Как дура!

Обиженно одергиваю руку и иду к раздевалкам. Лида топает рядом.

— Сонечка, я же за тебя переживаю. Просто я всю эту компашку, как облупленных знаю. А Городецкий тот еще шизик, уж поверь мне, — эмоционально выдает и идет переодеваться.

Очень даже верю, но он потрясающе обаятельный шизик!

И перед тем, как идти в душ, открываю свой приватный альбом и отправляю Городецкому доступ.

Глава 14

(Соня)

— Сонь, ты видела?! — радостно пищит Лида, взмахивая на табло со временем.

— Молодец, Светлова, отличный результат, — хвалит ее наш тренер.

Потом подходит ко мне.

— Результат не совсем неплохой. Но есть, куда расти. И у меня складывается такое впечатление, Ларская, что ты халтуришь, — видит меня насквозь Олег Викторович. — И если бы не спонсорство твоей семьи, давно бы отправил тебя в лягушатник, — как всегда говорит он прямым текстом.

А я в это время думаю не о результатах, а о том, что безумно хочу картошку фри, сидя где-нибудь на крыше.

— На сегодня все, — отпускают нас домой.

Лида после душа уже переделалась и сидит на скамейке в ожидании Волкова. А я уже миллион раз проверила телефон, но от Городецкого ничего не было. Даже сообщения не прислал. Может, просто не видел, что я ему позволила посмотреть мои фотографии? Или он не впечатлен, интимок же там нет.

— Сонь, сходим вечером в кафе? — скучающе предлагает Лида. Еся тоже пойдет.

— Не могу, вечером важный ужин дома.

— Хорошо, что папа Андрей не таскает меня на светские вылазки, скукота страшная.

— Может, если бы ты была родная, он бы настоял? — просто предполагаю.

— Сонь, мы у него все родные, — с обидой отвечает Лида. И я, и Еся. А уж Рома с Яриком и подавно его наследники.

— Конечно, извини. От Ярослава так и нет вестей? — давно уже заметила, что она слишком резко реагирует на его имя. Девчонки уверены, что она в него со школы влюблена. Сама Лида это отрицает. Но в этом, увы, я на стороне девчонок.

— Нет, но может, с Днем рождения хотя бы поздравит, — пожимает плечами. Мне все-таки восемнадцать исполняется.

— Напиши ему сама, узнай, как дела.

— Сонь, ты хлорки наглоталась? — возмущенно подпрыгивает на лавочке, а я смеюсь. — Ни за что! Я его ненавижу!

Да-да, я это слышу уже в сотый раз.

— Кстати, Олег Викторович сказал, что после соревнования скорее всего передаст меня другому тренеру, — делюсь с подругой.

— Расстроилась?

— Вроде нет, — дергаю головой.

Я правда не особо расстроилась. Я никогда и не стремилась стать профессиональной спортсменкой. Это все родители. А я просто уже устала загонять себя в рамки. Да, у меня

неплохо получается, но мое место проплачено. — Я вообще хочу бросить. Только не знаю, как сказать об этом родителям.

— Ну и не говори, просто начни косить. Часто “болеть”, филонить. Всем надоест и от тебя отстанут, — раздает она мне вредные советы.

Но она права. Человек должен заниматься тем, чем ему нравится, а не тем, чем его заставляют. Хотя плавание мне нравится, но не хочу из-под палки. А мотивации ноль.

— На экранах новый фильм вышел с моей любимой актрисой, так сходить хочется, — вздыхаю. — Но у родителей найдется куча причин меня не пустить.

— Сонь, я бы на твоём месте перестала жить только лишь им в угоду. Но не мне советовать, у нас с Есей другая была ситуация. Но мне кажется, твои тоже перебарщивают с заботушкой. Ой, все, я побежала, за мной приехали! — соскакивает с лавочки и, чмокнув меня в щеку, убегает.

Вздыхаю. Возможно, она права.

Возвращаюсь домой и прихорашиваюсь. Надеваю платье, подкрашиваю ресницы и губы. Волосы укладываю крупными локонами. Меня ждет супер скучный вечер дома вместо фильма или похода в кафе.

К вечеру в доме суета, мама контролирует, как накрывают на стол, следя, чтобы все было идеально, папа уже второй раз меняет галстук.

— А где Тим?

— Тимофею быть на этом ужине не обязательно, — бросает мама. — Поменяйте вот эту тарелку!

Странно. Если такой важный ужин, почему на нем нет наследника? Ну и ладно, видимо, Тима это не касается. А я, наверное так, для украшения стола. Мама любит меня восхвалять перед знакомыми.

— А вот и Станислав Андреевич! — расплывается мама в слишком слащавой и наигранной улыбке.

Папа тоже спешит встретить гостя.

В дом входит мужчина лет пятидесяти в строгом темно-синем костюме. Полноватого телосложения и бугристым, как у жабы, лицом. Губы широкие, нос поплывший, а волосы явно были окрашены от седины, выдает характерный стеклянный блеск и начинающиеся залысины. Неприятный человек.

— Проходите, мы вас так ждали, — чуть ли не ковриком стелется перед ним мама. Какой-то очень важный партнер или спонсор?

— Знакомьтесь, Станислав Андреевич, это София, — представляет меня папа, надавливая между Лопатками, чтобы я сделала шаг вперед.

Мужчина медленно скользит по мне оценивающим взглядом по ногам, талии, задерживает взгляд на груди, лице, снова на груди.

— Очень приятно, Софочка, — берет мою руку и касается губами.

Буэ! Как же мерзко! Он меня обслюнявил. Так и хочется бежать и смывать все это с мылом и мочалкой. Меня даже слегка так передергивает. И это его приторное “Софочка”, терпеть не могу, когда меня так называют.

— Проходите к столу, что ж мы вас на ногах держим, — продолжают родители суетиться.

И за столом продолжается та же песня, только восхваляет она теперь меня.

— Наша София занимается плаванием, у нее отличная фигура и здоровье. А еще она очень любит читать. На днях восхищалась Гомером, да милая?

— Превосходно, — растягивает он и без того свой широкий рот.

А я сижу и, мягко сказать, нахожусь в недоумении. Оказывается, я Гомера по собственной воли читала, еще и восхищалась им, прекрасно.

И только я собираюсь открыть рот, чтобы немного пояснить ситуацию, как ощущаю, как мама толкает меня ногой под столом. А когда я поднимаю на нее удивленные глаза, она стреляет в меня предупреждающим взглядом. Затыкаюсь. Жесть.

— Наша София, как вы уже знаете, имеет строгое воспитание. Она прекрасная, чистая девочка. Мы так ее любим!

Да что за ерунда здесь происходит? Может, мы начнем этому дяде еще и пятки целовать? Ну а что, только и осталось! С какого перепуга?

Глава 15

(Соня)

Слава небесам, ужин длится недолго, мужчина поглядывает на часы и, вытерев тканевой салфеткой жирный от мяса рот, встает из-за стола. Наконец-то! Я могу уйти к себе в комнату и снять это дурацкое тесное платье с вырезом.

Замечаю, что мама с папой в ожидании следят за каждым действием гостя. Чего они ждут от него?

— Что ж, — словно понимает он, чего от него хотят мои родители. — Ужин был прекрасным. Мне все очень понравилось. — Софочка, всего доброго, — кивает мне, снова лапая взглядом.

Выдавливаю из себя вежливую улыбку. Иначе мама сейчас мне всю спину ногтем истычет.

— Умница, свободна, можешь идти спать, — взмахивает мама рукой, позволяя мне уйти, после того, как гость удаляется.

Папа уже кому звонит. А я колючим инеем покрываюсь, когда слышу, кому! Замираю.

— Анжелика, дорогая моя сестра! — радостно начинает папа. — Все прошло просто чудесно. Да, можешь брать билет хоть на завтра.

— Что? Тетя собирается прилететь? Зачем? Я никуда не поеду с ней! — паникую.

— София, она едет сюда не для этого, — отмахивается мама. — Иди к себе.

Кажется, мои лучшие дни закончились.

Воспитываться тетей было тем еще удовольствием. Жесткий график, ни шагу в сторону, еда строго по расписанию, экстремальный дефицит калорий, строгое соблюдение этикета. Такой вот себе пансионат благородных девиц, а не воспитание племянницы. И то, что она прибудет уже скоро, меня моментально вгоняет в паническое отчаяние.

В комнате стаскиваю с себя платье, смываю косметику, распускаю волосы и надеваю удобный домашний костюм, больше похожий на спортивный. Все делаю быстро, нервными движениями.

Не нравится мне все, что происходит. И спонсор этот не нравится, и то, что тетя прилетает, не нравится.

На следующий день я сама не своя, дерганая, меня все раздражает. Как назло, Лиду по времени сдвинули, даже на тренировке не увиделись. На учебе снова Кац выбесила, так и продолжает валить меня. Еще и дома какая-то суета, мама озабочена выбором нового платья, обзвонила уже всех дизайнеров. Словно у нее платьев нет. Мне снова влетело за прибавку в весе почти на полкило. Мама отменила ужин в наказание. Обидно.

Хватаю телефон, чтобы написать Лиде, но замечаю висящее непрочитанное сообщение. Даже не взглянув от кого, открываю. Дыхание снова сбивается.

«Классные фотки! Особенно те, что крупным планом. У тебя красивые глаза».

Оседаю на кровать и сворачиваюсь калачиком, прижимая к груди телефон. А я думала, ему не понравятся.

«Ну давай, гордая принцесса, ответь мне, вижу же, что прочитала» — тут же прилетает следом.

А я не знаю что отвечать. Что мне тоже хотелось бы иметь его фотки на телефоне? Зачем? Просто любоваться? Глупости же. Кстати, на его страничке нет ничего, кроме машин, капотов и колес, я уже посмотрела. Почти пустой бездушный аккаунт.

«Ладно, я понял, что ты не любишь общаться онлайн. Тогда выходи, жду тебя под нашим деревом».

Чего? Подскакиваю. Он здесь? В панике дергаю штору в сторону, словно из моего окна можно что-то увидеть. Нельзя, мои окна выходят совсем на другую сторону. Да и “наше” дерево за поворотом на соседнюю улицу.

В нерешительности смотрю вниз. Слезть на козырек навеса ерунда, а там по перилам, и ты на земле. Черт.

В куртке будет неудобно, поэтому надеваю под костюм теплый свитер и, привязав к оконной ручке шнурок, вылезаю.

Все время оглядываясь, иду в начало улицы. От быстрого шага и адреналина, который сейчас в моей крови, даже не чувствую холода.

Арсений стоит под деревом, подпирая его спиной и что-

то листает в телефоне. Увидев меня, отталкивается и делает пару шагов навстречу.

— Я уж думал, ты не придешь, — касается моей руки Арсений и тянет на себя. Сопроотивляюсь, чтобы не впечататься в его тело, но все равно оказываюсь слишком близко. Я буквально дышу им. Чувствую, какое исходит от него тепло, и только сейчас понимаю, что на улице холодно, хочется прижаться еще ближе. — Давай, прыгай.

Арсений дергает за ручку дверцы, и я оказываюсь в теплом салоне. Почему-то мне не страшно с Городецким. И это очень странно, учитывая то, как мы познакомились. Я его не боюсь, он мне приятен.

— Поехали? — заводит машину.

— Угу, — киваю.

— Супер. А мне нравится, что ты готова ехать без вопросов. Прямо прогресс.

И правда. Я ведь даже не спросила, куда он хочет меня отвезти.

Мы приезжаем в кинотеатр, который работает до поздна. Берем попкорн, газировку и занимаем места на последнем ряду. С ума сойти! Это так здорово. Нет, я не впервые в кино. Но я ходила с девчонками, посмеяться над комедией. А это больше похоже на свидание. И мне очень нравится именно такая атмосфера. А когда на экране начинается тот самый фильм, который я хотела посмотреть, я чуть ли не пишу от восторга.

— Откуда ты узнал? — в шоке смотрю на него.

— Узнал что? — делает вид, что ничего не понимает. Или это и правда случайность?

— Это моя любимая актриса. Я очень хотела посмотреть этот фильм! Ты даже не представляешь, насколько!

— Это Коламбия Пикчерс не представляет, а я представляю, — дергаются уголки его губ.

Я неотрывно смотрю на экран, пока Арсений гладит мою ладонь большим пальцем, водит по запястью. А когда на экране во всю разворачивается сцена с поцелуем, я неумышленно кладу голову на его плечо, крепко держу его руку.

И самое главное, он не вторгается, нарушая границы, не портит этот момент, он не лезет ко мне с поцелуем, хотя я уверена, что другой парень непременно бы попытался. И это дико странно. Он точно шизик. Но такой классный! Обожаю!

Мне кажется, что Арсений чувствует меня, понимает. И я очень благодарна ему за то, что он подталкивает меня к тому, чтобы делать то, что хочу я. Без него я бы не осмелилась послушаться родителей. И не чувствовала бы сейчас себя такой счастливой.

После кино Арсений привозит меня обратно, как и обещал. Мы сидим в машине под деревом и я не осмеливаюсь попрощаться. Мне попросту не хочется.

— Если хочешь, я верну тебя позже, — медленно ведет костяшками по моей скуле.

— Не могу, мне пора.

— В следующий раз?

— Боюсь, следующего раза не будет, — прикусываю нижнюю губу.

— Почему? — сводит брови к переносице. Задевает большим пальцем мои губы.

— К принцессе прилетает дракон, — тяжело вздыхаю. — А с ней даже телефоном пользоваться можно только по расписанию. Да что там телефон, с ней дышать можно только по расписанию.

— Родственница?

— Да. Родители ее боготворят.

— Ничего, на каждого дракона найдется свой Иванушка-дурачок, — тихо смеется он, подбадривая меня.

— Или Арсенюшка-шизик, — тоже начинаю смеяться. Но на самом деле это не смешно. Тетя та еще тиранша в юбке. Ей хоть Иванушка, хоть Илья Муромец, она любого сожрет.

— Я провожу тебя? — все еще держит мои руки в своих ладонях.

— Не стоит, Арсений, это слишком рискованно. Если из моих кто-то увидит, будет скандал. Я ведь воспитанная девушка, не должна быть на улице в такое время, еще и с парнем.

— Принял. Что-нибудь придумаю, — хитро подмигивает мне, растягивая свою шкодную ухмылочку.

Тянется к бардачку и достает оттуда плитку шоколада. Кладет мне ее на колени.

— Я так наберу вес, — поджимаю губы.

— Да в тебя хоть еще две Сони помести, хуже не будет.

Из машины мы выходим вместе. Идти он не собирается, но вот отпускать меня не хочет, прижимает к себе, сцепив свои руки за моей спиной. И я тоже хороша, даже не сопротивляюсь, еще и утыкаюсь носом в его ключицу. Еще немножко и я, кажется, замурлычу.

— Сонь, — касается губами моего виска. А по моему телу уже бежит волна предвкушения. — Иди сюда.

Он слегка давит пальцами на подбородок, заставляя меня поднять голову. Я чувствую теплоту его дыхания на своих губах. Он же поцелует меня? Я... я хочу этого.

Замираю, боюсь пошевелиться, боюсь дышать, чтобы не разрушить его намерения. Он прижимает меня к себе крепче и наконец-то целует. Закрываю глаза и просто улетаю от этих невероятных ощущений. Он не медлит, но и не напирает, он идеально целуется! Боже, как он целуется! Несмело отвечаю, впуская его язык. От удовольствия привстаю на цыпочки, чтобы не разрывать поцелуй. Это так чувственно, так приятно. Боже, я в раю!

Даже не замечаю, как к нам приближается такси, осветив нас фарами.

— София! — внезапно раздается за моей спиной разгневанный возглас тети.

А вот и дракон. Я труп...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.